№ 30 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

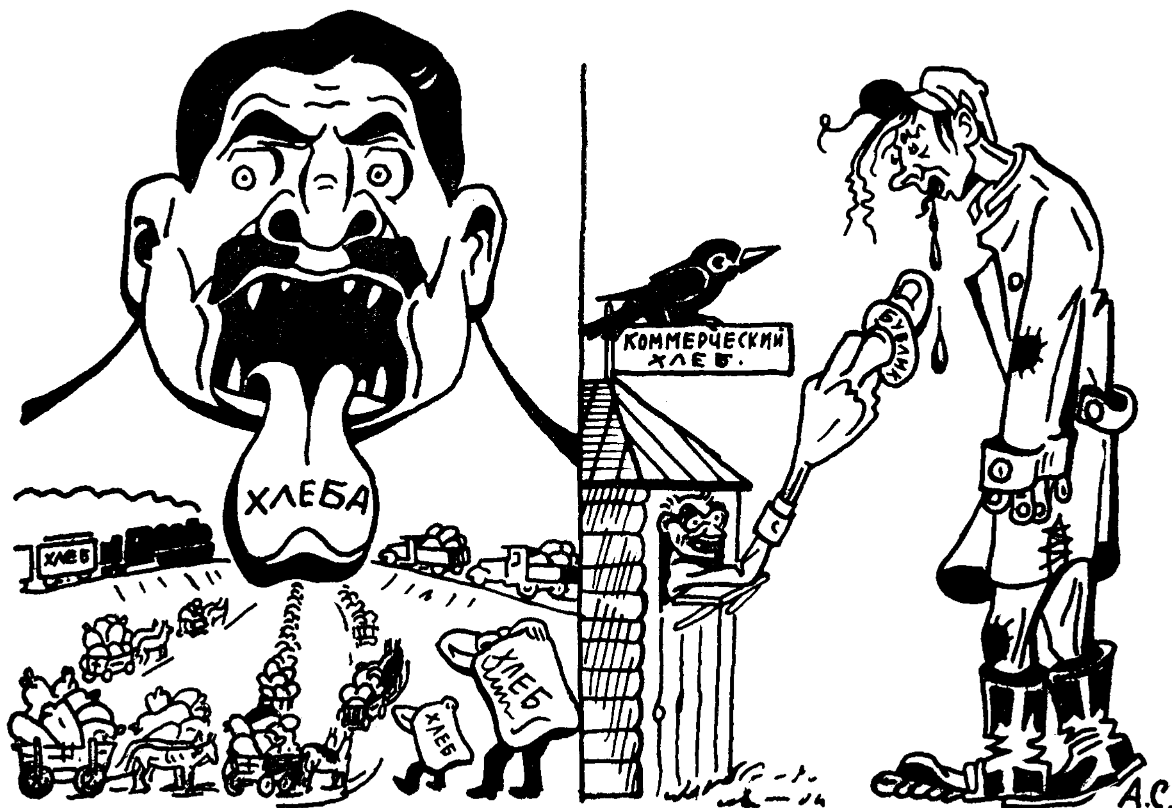
ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ 1949 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

25-й год издания

ХЛЕБОЗАГОТОВКИ В С.С.С.Р.

Государству — От государства

ДВА КАПИТАЛИЗМА

На мировой арене борьбы за безраздельное господство над всеми населенными уголками земного шара соревнуются два капитализма: капитализм государственный и капитализм частный. Всем известно, что капитализм по своей природе — агрессивен; его тенденция — расширение своих владений и поглощение более слабых конкурентов, как внутри собственной страны, так и за ее пределами.

Государственный капитализм, будучи единым и единственным монополистом в России и в порабощенных ею соседних странах, понятно, не только не имеет внутренних конкурентов, но, более того, не имеет и вольных рабочих и крестьян: последние превращены им в крепостных. Поэтому, госкапитализм направляет все свои усилия и страсть на внешних конкурентов, т.е. на страны частного капитализма. Атакуя их, госкапитализм выдает себя за "защитника трудящихся масс," за поборника соц. справедливости. Делает он это для того, чтобы ввести трудящихся в заблуждение и склонить их на свою сторону, т.е. использовать их для достижения такой победы, какую он одержал в России, где трудящиеся, скрученные в бараний рог, превращены в безгласное стадо рабочего скота и отделены железной завесой от остального мира, дабы посторонний глаз не видел страшной действительности, опровергающей слащавую ложь Агитпропа, кадры которого, пропагандируя госкапитализм, всегда выставляют его "благодетелем" рода человеческого, а своего соперника — жестоким и алчным.

Так, например, один из органов Агитпропа — "Красная Звезда," издающаяся в Москве якобы для осведомления своих подъяремных читателей, недавно преподнесла им потрясающую картину жизни в США: 20 миллионов американцев голодает в городах; 20 млн. фермеров еле перебиваются, а 10 млн. остальных пребывают в нищете; 45 млн. живут в трубощах; 25 млн. хронически больны и 8 млн. душевно больны; 4 млн. детей имеют плохое зрение, 200,000 — больны эпилепсией и 175,000 — туберкулезом; американские школы ютятся в темных разваливающихся зданиях, 20% детей (6 миллионов) совсем не посещали школы в 1948 г.; из 75 млн. взрослых американцев 36 млн. не окончили школы; в 1948 г. каждые 18 секунд совершалось одно преступление в США, ежедневно убивалось 36 человек и изнасиловалось 225 женщин. "Простой человек в США ничем не защищен от произвола полиции... Печать, литература, радио и кино находятся в полном разложении..." ("Нью Иорк Таймс" 16-7-49).

Информация "Красной Звезды" далека, конечно, от истины и кажется более чем странной. Зачем коморгану понадобилось очернить Америку, которой большевики совсем недавно столь завидовали и которая во время войны кормила и снабжала военными припасами своих союзников, в том числе и СССР? Ведь их лозунгом все время было — "догнать и перегнать Америку," а теперь оказывается, что Америка — самая отсталая, самая нищая и самая невежественная страна в мире... Которой из двух версий должен поверить советский читатель? Неужели он настолько уж оболванен, что поверит в самую дикую нелепость, исходящую от двуликого Януса, именуемого "партией и правительством"? Или: чем больше ложь, тем скорее поверит в нее обыватель?... Впрочем, зная природу большевиков, не приходится удивляться: все их царствование построено на сплошной лжи и обмане, неустанно подкрепляемым свирепым террором.

Само собою понятно, что трудящимся живется не сладко в Америке, социальное устройство которой основано на частном капитализме. Рабочие остро ощущают на себе его бремя и ведут упорную борьбу не только за улучшение своего положения, но и за полное освобождение от эксплуатации человека человеком. А что же делается в СССР? Там нет эксплоатации? Нет тюрем? Нет полиции? Нет преследования инакомыслящих?... Для каких это человеческих благ большевицкое правительство учредило ссылку и настроило множество концлагерей, куда загоняет миллионами несчастных россиян? Неужели все это делается не ради эксплоатации труда госкапитализмом, а ради привольного веселого житья?... Почему ежедневно прославляемые Агитпропом "любимые вожди," столь "облагодетельствовавшие" народы России, всегда прячутся и без усиленной охраны не смеют показаться на глаза "любящего" народа, от времени до времени сгоняемого на площади по случаю праздников? Почему наглухо закрыты гра-

ницы и беспартийным рабочим из других стран не желают показать, как живет, в каких условиях работает и какими благами пользуется советский рабочий? Каковы его достижения и в чем они заключаются?

По официальным утверждениям СССР — "рай" для рабочих и крестьян, которых компропаганда всегда величает "хозяевами страны," а "партия и правительство" только служат им верную службу. На самом деле эти "хозяева страны" очень похожи на "хозяев" тюрьмы, которым тюремщики говорят, что тюрьма — ваша, а мы — ваши слуги. Разница между мнимыми хозяевами и слугами лишь та, что "слуги" держат "хозяев" под замком, а сами гуляют на воле. Что расхваливаемый на все лады "рай" в действительности является хуже ада, об этом свидетельствуе множество неопровержимых фактов. Например, как только во время войны открылись щели, пошло массовое бегство из СССР тех "счастливых" граждан "советского отечества," которым так сладко жилось под крылышком "отца народов"; сотни тысяч советских рабочих и колхозников, вывезенных немцами на принудительные работы в Германию, по окончании войны отказались вернуться в "рай," предпочитая терпеть нужду и лишения в лагерях, чем возвращаться к "счастливой жизни" на родине, по которой они глубоко тоскуют и которую не перестали любить; продолжающееся бегство, в особенности военных, из стран "народных демократий" в англо-американские зоны Германии и Австрии.

Почему эти "хозяева страны" удирают из собственного дома, а "слуги" продолжают царствовать в Кремле? Очевидно бегут не от калача, а от бича. Если бы трудящимся в СССР жилось так хорошо, как о том трубит пропаганда "партии и правительства," то, будьте уверены, ни один советский человек не остался бы за границей, где он, находясь на правах пария, испытывает неимоверные лишения.

* * *

До утверждения большевизма в России социализм имел совершенно иное содержание, чем то, которое вкладывают в него большевики: социализм означал свободу, социальную справедливость и равенство для всех. Какими путями можно достигнуть социализма — это другой вопрос. Социалисты-государственники (марксисты) убеждены, что социализм можно построить посредством захвата государственной власти, при помощи которой они устроят для народа земной рай. Анархисты им указывали, что в этом вопросе они глубоко ошибаются и заблуждаются, так как построение социализма полицейскими мерами является утопией: они никогда не достигнут посредством власти намеченной цели — свободы и равенства для всех. И если до русской революции 1917 года анархисты в своем отрицании государства (буржуазного и социалистического) исходили из чисто теоретических предпосылок, то теперь, после 30-летнего существования в России "советского социалистического государства," все их самые худшие опасения вполне оправдались: они воплотились в большевицкую практику. Социалистическое государство оказалось более страшным и более кровожадным спрутом, чем буржуазно-демократическое, потому что оно — тотальное: оно лишило всех граждан инициативы и свободы, которую называет "буржуазным предразсудком"; оно насаждает несправедливость, культивирует неравенство, подавляет даже малейшее проявление самостоятельности человека, над всем довлеет и все пожирает. Социалистическое государство — это абсолютизм "вождя," возведенного в ранг божка, и произвол диктатурщиков с партийными билетами в кармане.

Социальное устройство в большевицком государстве капиталистическое: там те же деления на классы и категории, как и в буржуазном государстве, те же шкалы заработной платы, которая произвольно устанавливается капиталистом-государством и снижена до голодного пайка, чтобы рабочий все время был занят вопросом хлеба и не "вольнодумствовал." Классовое неравенство в большевицком государстве более резко подчеркнуто, чем в буржуазных странах: низшие категории труда пребывают в ужасающей нищете, в голоде и холоде, а высшие — бюрократы "партии и правительства" — пользуются всеми благами жизни: живут в роскоши, имеют штаты прислуги, автомобили с шоферами, загородные дачи, великолепные городские квартиры, меха, драгоценности и все, что только пожелают. У этих паразитов каждый день — пир горой, а рабочий, чьим трудом живут тунеядцы, не имеет необходимой одежды и обуви, не доедает и умирает где-либо на каторге от голода и холода. Таков лик социалистического государства.

Что в нынешней России государство —

все, а человек — ничто, подтверждают и сами большевицкие верховоды. Некий Шкундин, рецензируя книгу сталинского лауреата Венедиктова "Государственная социалистическая собственность," в статье "Новое слово в науке советского права" в журнале "Новый Мир" № 5, 1949, пишет следующее:

"Советское государство — хозяин всех важнейших средств производства. Земля и ее надра, леса и воды, фабрики, заводы и банки, транспорт и средства связи — все это принадлежит советскому государству..."

"...Автор поставил перед собой сложную и трудную задачу: раскрыть юридическую природу государственной социалистической собственности и объяснить сущность социалистических госорганов, государственных юридических лиц, через посредство которых советское государство осуществляет управление..."

"...Автор детально исследует природу и сущность правомочий социалистических государственных органов по управлению закрепленным за ними государственным имуществом. Он детально освещает правовой режим основных и оборотных средств государственных предприятий и разнообразные правовые способы охраны государственной собственности."

"Тонкий юридический анализ всех этих вопросов базируется на учении классиков марксизма-ленинизма о социалистической собственности,... на принципиальном выводе о советском государстве, как едином и единственном носителе права государственной собственности, объединяющим в своих руках всю полноту государственной власти со всеми правомочиями собственника."

"А. Венедиктов, основываясь на учении Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина о социалистическом государстве, на сталинском учении о соц. планировании и о роли рабочих масс в выполнении плана,... дает новое понятие госоргана и государственного юридического лица. Госорган — это организованный государством коллектив рабочих и служащих, во главе с ответственным руководителем, на который государство возложило выполнение определенных заданий. Соответственно этому Венидиктов... усматривает два коллектива: во-первых, социалистическое государство, как единый и единственный собственник всего фонда государственной собственности, и, во-вторых, возглавляемый ответственным руководителем коллектив рабочих и служащих... осуществляющий оперативное управление частью единого фонда государственной собственности."

Из вышеприведенной пространной выдержки, ясно видно, что советское социалистическое государство (бюрократия) — полный хозяин, в руках которого сосредоточены все ресурсы и вся рабсила огромной страны: он — архикапиталист-рабовладелец, ничем не ограниченный в управлении и эксплоатации подвластных. Он — "единый и единственный носитель права собственности, объединяющий в своих руках всю полноту власти со всеми правомочиями собственника," который организует "коллективы рабочих и служащих" для "выполнения определенных заданий." Вот почему т. н. "советские профсоюзы" являются госорганами— бюрократическим придатком государственного аппарата, а рабочие в СССР поставлены в чисто рабские условия труда: за опоздание на работу их штрафуют или отправляют в тюрьму; они даже не смеют вслух высказать свои недовольства, ибо за это их сошлют в концлагерь на каторжные работы, на "перевоспитание," и отучат от "вольнодумства"; они не смеют бастовать, так как забастовка в СССР считается тягчайшим оскорблением хозяина и зачинщики подлежат расстрелу; они совершенно беззащитны и обречены влачить жалкое существование до могилы, потому что весь продукт их труда государство забирает себе, а им оставляет ничтожную часть, чтобы бичем голода, холода и нищеты подгонять их к выполнению заданий хозяина — "партии и правительства." Отсюда ясно, почему бегут из "советского рая" и почему рабовладельцы XX века оградили свои владения железной завесой, никого не впуская и не выпуская.

***

Практика государственного капитализма показывает, что он более бездушен и жесток, чем капитализм частный. Однако из этого отнюдь не следует, что из двух зол надо выбирать меньшее. Мир клином не сошелся и есть лучший выбор: отбросить частный и государственный капитализм и построить взаимоотношения между личностью и обществом, а также международные отношения не на привилегиях паразитов и не на эксплоатации подвластных, а на свободе, на социальной справедливости, на равенстве для всех, на солидарности и взаимной помощи. Такое построение общества вполне возможно и вполне достижимо, что с такой ясностью показала на практике русская революция, которую угробили большевики. Как это могло случиться?

В процессе революции рабоче-крестьянские массы организовывали свои советы, фабрично-заводские комитеты, как исполнительные органы общественного и заводского самоуправления. Идея советов была чужда большевикам, но идти против нее они были бессильны, поэтому они предпочли использовать ее для своей партийной выгоды и признали советы хорошим средством, при помощи которого можно добраться к власти. Так оно и случилось. Под лозунгом "вся власть советам," — что понималось рабоче-крестьянской массой, как расширение и укрепление своих органов самоуправ-

ления, — большевики захватили центральную власть и провозгласили свою диктатуру, которая положила конец революции и лишила трудящихся всех их революционных завоеваний. Больше того, диктатура Ленина и Сталина сначала уничтожила все несогласные с большевизмом революционные течения и лишила всех гражданских свобод, затем, после смерти Ленина, Сталин расправился с внутри-партийной оппозицией и угробил почти всех старых большевиков и огромную массу менее известных членов партии. В общем большевицкая диктатура произвела страшное опустошение, натворила много бед и злодеяний, отбросила народы России назад на несколько столетий, пролила реки человеческой крови и уже никак не может остановиться в своей палаческой деятельности, поэтому она должна погибнуть!

Большевизм давным давно выветрился политически и превратился в кровожадное чудовище. Его лидеры и апологеты все еще продолжают бросать фразы 1917 г. в обращении к рабочим буржуазных стран, т.к. хорошо знают, что с помощью третьей силы, которую они считают лишь средством в достижении целей своей доктрины, им легко удастся захватить власть и превратить трудящихся в своих бессловесных рабов, как это они сделали в России и в странах-сателлитах. Наш долг и долг всякого честного человека и труженика, имеющего мужество, чувство справедливости и человеческое достоинство и ценящего свободу выше подачек или бросаемых крох со стола власть имущих, — разоблачать жульничество лжецов и обманщиков и указывать, что большевизм с его госкапитализмом — самая разнузданная реакция и безумное мракобесие опьяненных властью диктатурщиков, что он несет трудящимся не освобождение, а еще худшее закабаление, государственное крепостничество, и что "никто не даст нам избавленья: ни Бог, ни царь и ни герой, добьемся мы освобожденья своею собственной рукой," как об этом ясно говорят слова "Интернационала."

Остерегайтесь волков в овечьей шкуре и гоните их прочь. Остерегайтесь фальшивых друзей в масках и не поддавайтесь их наговорам и нашептываниям, если не хотите стать жертвой большевизма. Бороться нужно не за власть, которая, кроме цепей, никогда не давала труженикам ничего хорошего и не даст, а за полное освобождение от власти и эксплоатации человека человеком. Это всегда нужно помнить, в особенности тем, с кого всегда брали и берут, и не поддаваться разным обещаниям политических партий, которые, прежде всего и раньше всего, добиваются что-то взять, но не дать. Полное освобождение трудящихся от ига капитализма и власти человека над человеком вполне возможно, но этому противятся все власть имущие, эксплуататоры и тунеядцы, которым в свободном обществе придется заняться честным трудом. Вот почему Сталин и Ко так цепко держатся за власть, за "советское социалистическое государство," которое, по Ленину, должно было давно отмереть, как это он "доказывал" в своей брошюре "Государство и Революция." Как видно из практики, ленинское государство не только не собирается отмирать, но оно столь усилилось, что стало абсолютом, потребующим много жертв для своего разрушения.

К. Филиппович.

СВЯТАЯ НАИВНОСТЬ ИЛИ ЧЕСТНАЯ СЛУЖБА?

Всемирная Федерация Профсоюзов (ВФП) пришла в сильное негодование по поводу заявления, что в Советском Союзе существует принудительный труд. В своем меморандуме Экономическому и Социальному Совету Объединенных Наций Исполконм ВФП заявляет:

"ВФП, в которую входят профсоюзы СССР и стран народной демократии, никогда не получала никаких данных, которые доказывали бы существование принудительного труда в Советском Союзе и в странах народной демократии."

Ну, как не поверить столь ответственному заявлению! В СССР нет принудительного труда, там все делается "добровольно": покупают заем ,идут в колхозы, выбирают Сталина в Верхсовет, сознаются в несовершенных преступлениях, получают 25 лет каторги и на четвертый или пятый год добровольной работы где-нибудь на дальнем севере умирают от истощения и голода . . . Только добровольно! Никаких принуждений!

Товарищи, издание журнала "ДТП" зависит всецело от вас, поэтому мы обращаемся к вам с настоятельной просьбой распространять журнал и оказывать ему денежную и моральную поддержку.

БЕСКОНЕЧНО ЛИ РАБСТВО?

Задаваясь этим вопросом, я невольно вспоминаю мысли великого американского гуманиста Генри Джорджа, который сравнивал судьбу народов с участью огромного, мощного быка, стоявшего напривязи у него под окном. Тонкая веревочка связывала быка с еще более тонким деревцом, но этих двух слабых средств было вполне достаточно, чтобы удерживать могучего быка в покорном рабстве, хотя достаточно было бы самого ничтожного усилия, чтобы сокрушить преграду к свободе. Но бык, не зная и не сознавая этого, продолжал оставаться в плену. Иллюстрируя этим примером положение народов, Генри Джордж утверждает, что власть, которой подчиняется человечество на протяжении веков, ничуть не крепче веровочки и деревца, удерживающих быка. Крепость власти была бы подобна крепости паутины, еслибы народы сумели направить свои объединенные усилия на путь к подлинной свободе.

Какая же сила удерживает народы в рабстве? Сила невежества, инстинктивного страха, животного чувства самосохранения, глубокого эгоизма, воспитанного веками рабства и унижений. На этой действительной силе и зиждется фиктивный авторитет государственной власти и угнетения. Власть в Совсоюзе для его подданных, воспитанных в духе беспрекословного подчинения, кажется чудовищно-исполинской, непреодолимой силой ,против которой совершенно бессмысленно какое-либо сопротивление. Такое гиперболическое представление о власти воспитано ложным внушением советских иллюзионистов от пропаганды и экзекуторов от "правосудия." Между тем, я вспоминаю случай, доказывающий совершенно противоположное: в моем присутствии один молодой боец отказался подписать присягу. Комиссары смутились, растерялись: они почувствовали трепетный страх перед этим реальным проявлением свободной и неустрашимой воли; может-быть, впервые они усомнились в подлинной силе той власти, ложную уверенность в которой они воспитывали в миллионах рабов. Правда, они расстреляли этого героя, но не как победители, а как жалкие трусы перед подвижником, бросившим дерзкий вызов их мнимому могуществу.

Я невольно подумал тогда: что было бы, еслибы этому прекрасному примеру последовали все рабы, населяющие Совсоюз, рабы, населяющие весь земной шар? Чего бы стоил тогда лукавый миф о божественном предустановлении власти и насилия? Увы, мы можем только мечтать об этом или бороться, медленно приближаясь к осуществлению этих идеалов, ибо рабский дух, к сожалению, еще силен и живет рядом со множеством различных пороков, наполняющих до отказа тысячекратно искалеченную природу человека.

Многие люди, даже образованные, будучи приверженцами того или иного государственного строя, выражают серьезную уверенность в незыблемой законности власти, и тем более, чем чаще они пользуются известной долей привилегий и преимуществ, отпущенных им этой властью. Так профессора-марксисты в СССР подобны профессорам других стран в вопросах утверждения той власти, которая купила их совесть и определила их убеждения. Пороками миллионов рабов эти спекулянты легко оправдывают существование власти и насилия. Возразить им и впрямь не столь уж просто. В самом деле: дайте-ка сегодня народам полную свободу и что из этого выйдет? Этим, ехидно ухмыляясь, козыряют все и всякие сторонники власти. Правы ли они? Безусловно и категорически — НЕТ.

Честные люди, их единицы, как в числе образованных, так и в числе простых трудяг, с негодованием отбрасывая принцип власти, умело разоблачают всю хитро-сплетенную конструкцию этого дьявольского обмана. Им одним известно, что пороки человечества, которыми козыряют власть имущие в оправдание более очевидных собственных пороков, являются отнюдь не оправдательным, а только обвинительным актом против них. Ведь только века насилия, угнетения и лжи создали эту армию нравственных уродов и калек, которых намеренно сохраняют таковыми и по сей день власть имущие. Жажда правонарушения — родное детище власти. И никакие софистические ухищрения дипломированных обманщиков не в состоянии опровергнуть эту горькую истину. Еслибы пороки являлись неотъемлемой принадлежностью только людей, подчиненных власти, то представители власти были бы святыми. Однако, дело обстоит как раз наоборот: все то, что в обществе есть самое худшее, порочное, жадное и лживое, всегда стремится к власти и захватывает ее. В этом смысле Сталин, как Петр I, Александр Борджия, Решилье, Гитлер, как тысячи подобных им, чу-

довищностью своих пороков во много раз превосходит тех, кого он судит и преследует. Но за свои преступления властители не отвечают перед законом. Если судят бедняка за то, что он украл булку или пшеничный колосок, то в этом случае пользуются тем или иным параграфом закона и осуждают его к тюремному заключению. Но представителей власти, которые грабят свои народы и потворствуют узаконенным грабителям, своим вассалам, не судят и не преследуют. Где же справедливость?

Если власть существует, чтобы сдерживать пороки народов, то почему же не существует вышестоящей власти над пороками золотых королей, диктаторов и временщиков? "Над властью сильных существует власть Бога," говорят богословы. Но это гнусная ложь, т. к. сильные мира сего не чувствуют справедливого возмездия Бога в такой очевидной степени, в какой народы ощущают их несправедливую власть, вследствие чего человечество задержалось в своем духовном развитии и коснеет чуть-ли не на уровне обезьян .Следовательно, благодаря власти и проистекающего из нее насилия, пороки процветают. Они будут существовать так долго, как и сама власть, даже самая "идеальная."

Если даже допустить извечное существование государственной власти в ее наилучшем издании, то и в этом случае она будет паллиативом, искусственно сдерживающим пороки, а не спасающим от них. При этом условии духовной прогресс человечества представляется абсолютной утопией; оно будет обречено на вечное прозябание и злодейство. Неужели на это согласятся т.н. прогрессисты и гуманисты всего мира? Не думаю. По моему лучше смерть, чем вечное рабство и убожество.

Было время, когда мужики отдавали своих друзей в руки полиции, как это случилось с идеалистом-народником Неждановым в романе Тургенева "Новь." Неужели мужики наших дней хотели бы повторить это предательство? Неужели колхозники и рабочие современной России нашли бы в себе силы предать человека, разоблачающего большевистское зло? Если сегодня еще "да," то завтра, наверное, нет. Всякое рабство — физическое, экономическое или денежное — неоспоримое зло, с которым обязан бороться всякий честный человек. Пусть находящиеся под всесильным гипнозом зла покорно служат ему, но люди, свободные от его тлетворного влияния, могут и должны бороться. Капля камень долбит. Каплей сегодня пусть будут усилия честных единиц, их ряды неуклонно множатся и завтра эта маленькая упорная капля превратится в могучий поток, способный ниспровергнуть постылое царство лжи.

Сторонникам власти, упрямо твердящим об извечном ее существовании, можно сказать: было время, когда племена, в поисках лучшей организации, добровольно выбирали из своих рядов в старейшины самого сильного, самого мудрого и смелого. Но этот вождь не был бичем и паразитом для своего племени, как не является паразитом в стае журавлей их старший предводитель. Власть и угнетение появились тогда, когда появилась нетрудовая собственность и право наследственности на нее. Современные представители власти не только не самые сильные, не самые мудрые и не самые смелые, а наоборот, сплошь и рядом, самые жалкие, подлые и трусливые. В отличие от первобытных старейшин они не только не являются подспорьем в деле организации народов, но явной помехой. Те, которым дорога власть и связанные с нею личные выгоды, пусть не пеняют, если справедливый гнев народов, потерявших, наконец, терпение, когда-нибудь раздавит их. Тогда напрасны будут их мольбы о великодушном милосердии.

Матвей Батыенко.

РУССКИЕ В БОЛГАРИИ

Почему не большевики и не сталинцы, а русские? Было бы, конечно, несправедливо и ошибочно возложить грехи одной партии на целый народ. К сожалению, как бы это ни было несправедливо, но народы, стонущие под красным каблуком, отождествляют русскую армию с большевицкой чумой, поэтому каждый русский в сознании этих народов олицетворяет, — несмотря на все зло, на все духовные поражения, которые нанесла ему чудовищная болезнь — большевизм, — всю систему, все преступления, за которые в действительности вина падает только на ничтожную клику иезуитов и ком-варваров, господствующих в Кремле.

О наполеоновских войнах принято говорить, что они разнесли по Европе принципы Великой Французской Революции. Так говорят историки. Но мы не знаем, какого мнения держались на этот счет те народы, которые это нашествие пережили. По аналогии о красной армии можно сказать только одно: она наглядно показала миру **полный провал Великой Социальной Революции** и те **страшные поражения,** которые нанесла 200-миллионному народу антисоциальная, антикультурная, античеловечная, черно-реакционная доктрина. В этом единодушны все люди, без различия мировоззрений и социального положения, которые собственными глазами видели русских солдат в своих странах. И будущие историки нашей эпохи с чистой совестью смогут отметить, что русские войска нанесли сокрушительный удар большевистским иллюзиям народов, которые их видели. И не напрасно в Болгарии распространено убеждение, что англо-американцы нарочито позволили русским войскам нахлынуть в Европу, дабы таким путем открыть глаза ее народам.

И, действительно, мы сами были свидетелями, и все более убеждаемся в этом, следя за развитием политических событий в Италии, Франции и в других местах, что люди, в особенности рабочие слои населения, испытывающие на своих плечах недуги западной демократии, не могут получить ясного представления о большевизме, не увидев его собственными глазами. Фатальное несовершенство человеческой природы!

Позволю взять в пример сомого себя. Я прочитал все, что писалось о большевистской России (Истрати, Андрэ Жид, Виктор Серж и другие); мне были известны все ужасы, причиненные большевизмом; я хорошо ознакомился с ролью Сталина и его агентов в Испании; довольно хорошо был знаком с общественно-экономическим устройством СССР. Все товарищи у нас имели почти такую же осведомленность. И мы можем уверить весь мир, что мы были единственными в Болгарии, которые не изменились, не потеряли рассудка и не увлекались напрасными надеждами. Даже больше: мы, анархисты, были единственными, которые встретили с полным безразличием, но с тревожной озабоченностью за будущее нашего народа, приход русских в Болгарию, хотя косвенно и мы содействовали этому, ибо мы плечом к плечу с болгарскими большевиками принимали участие, неся большие потери, в организации сопротивления и во многих местах народ не мог нас отделить от коммунистов до 9 сентября 1944 года, т. е. до дня освобождения Болгарии.

И все таки мы не имели такого ясного представления о большевизме, какое мы получили после этой т. н. „исторической" даты, которая, может-быть и действительно такова, потому что она открыла глаза всем тем, кто возлагал напрасные надежды на большевистскую Россию. А таких было много в Восточной Европе, особенно в Болгарии. Когда болгарские крестьяне, и болгары вообще, произносили магические слова „Дядя Иван", то их уста словно медом были смазаны, а глаза блестели радостной надеждой. Много было таких, которые ждали спасения только от России и большевизма. Даже политические убеждения и социальное положение не мешали проявлению этих симпатий. Так, „народняки", (самая реакционная партия в Болгарии), с радостью ждали прибытия русских войск, а о „земледельцах" и говорить нечего: они были готовы принять и самый большевизм. Поразительно было то, что совсем не клеилось с законами „научного" социализма: тысячи, сотни тысяч крестьян, и даже наиболее состоятельные среди них, готовы были отдать свои земли и весь свой инвентарь для осуществления коммунизма. Они открыто об этом заявляли. Я имел много связей среди крестьян и

лично был знаком с сотнями крупных собственников, с которыми я часто беседовал. Никогда еще наш народ не был в таком отчаянии от всего пережитого и никогда еще он не был так психологически подготовлен к принятию глубоких социально-экономических перемен.

Наконец, наступил столь долгожданный день. — „Дядя Иван" взял путь на Болгарию. Сразу же возникли недоумения. Первый холодный душ — весть, что СССР объявил войну Болгарии. Болгарский народ их ждал, как освободителей, а они ему войну объявили! На самом деле это была война комическая, опереточная, но с довольно трагическими последствиями: нужно было найти предлог для оккупации Болгарии. Никто, конечно, не думал и не готовился оказывать сопротивление, наоборот, народ наш ждал и встречал русских солдат с раскрытыми объятиями: „война" эта была простым парадом. Исполняя приказ, русские войска шествовали в полной боевой готовности и радостные приветствия народа встречали с холодным безразличием, как настоящие статуи, даже с некоторой тревогой и недоумением смотрели на подымавшиеся кулаки и на руки, бросавшие цветы. Это был второй холодный душ.

Третьим, самым болезненным и фатальным, холодным душем обдало болгар при первом же контакте с русскими офицерами и солдатами, при первой попытке к братанию, к сближению, к интимному знакомству, в первый же вечер, когда они остановились на ночевку в деревнях. Уже с этого момента наступил полный переворот в чувствах нашего народа. Все надеялись найти в лице русских солдат и офицеров своего рода ангелов, носителей нового света и новой культуры, а увидели перед собой диких животных.

Я лично был поражен с первой минуты, ибо что я думал увидеть, так это прежде всего дисциплинированную армию. Когда же через час или два, после того как солдат отпустили в город, я увидел, как они, мертвецки-пьяные, скатывались под столы на глазах у офицеров, которые или их толкали, или проходили мимо, словно ничего особенного в их присутствии не случилось; я не вытерпел, встал, поднял с земли пьяного солдата и, вернувшись к товарищам, поспешил поделиться с ними пророческими словами Бакунина: „Свобода без социализма — привилегия и несправедливость, социализм без свободы — рабство и скотство".

Через два дня после этого я был в областном городе по специальному общественному делу. В кабинет исполняющего должность областного директора, известного коммуниста и моего личного друга со времен общего сопротивления, вошел другой коммунист, тоже наш общий друг, и заявил: „Двадцать лет я их ждал с нетерпением, а сейчас они внушают мне отвращение". Он рассказал, как приглашенные им гости — русские офицеры — после ужина пытались изнасиловать в его присутствии его жену и золовку . . . Директор выслушал все это со служебной невозмутимостью и ничего не сказал.

В следующий вечер я снова увидел этого директора, проживавшего по соседству со мной. Он стоял на углу у своего дома и на мой вопрос: „кого ждешь?" ответил с кислой усмешкой:

— Оставь! Стыд и позор! Кому-кому, но мне такую штуку устроить! Сегодня они приходили ко мне на дом и напугали жену и дочь . . . Сказали, что придут вечером . . . Я предупредил генерала. Он мне сказал, что я должен их задержать и ему их передать. Обещал их расстрелять. Ему, конечно, на все это наплевать! . . ."

Пьянствовали они до потери сознания, пили, не разбирая, все, что им попадалось, даже спирт чистый и нашатырный; нападали на женщин и оскорбляли их даже тогда, когда их хорошо принимали и оказывали им гостеприимство, столь присущее славянам; воровали все, что попало, и продавали за бесценок, чтобы иметь на что пьянствовать. Ко всему этому — грубое животное отношение к окружающим. Отделение солдат от офицеров проведено настолько полно, что даже в старой болгарской армии этого не было видно.

Совершенная неосведомленность о мировом положении, безразличие к жизни вообще, наивное удивление перед относительным благосостоянием наших крестьян — все это читалось на лицах русских солдат и офицеров с первого же дня. Все их удивляло и требовало объяснений. Известно, что всякая война ведет к страшному разгулу страстей и разнузданности, но, глядя на советскую армию, каждый спрашивал себя:

„И это — социалистическая армия? И

она будет освобождать мир? Неужели в течение более четверти века только **такое** воспитание русскому народу успели дать большевики?! . . ."

И случилось то, что еще никогда не случалось с нашим народом за всю его историю: все двери закрылись перед „освободителями"; решительно никто, — без различия общественного положения и убеждений, в том числе и сами болгарские коммунисты, — не пожелал больше принимать русских офицеров и солдат. Никакого гостеприимства, никакого желания завязать знакомство, даже проститутки с отвращением отскакивали от столь долгожданных гостей.

Позднее, когда все вышеупомянутые и многие другие проявления скотства, низкой духовной и моральной культуры, примитивного быта стали всем известны, когда после освобождения общественных зданий, официально предоставленных русским войскам, оказалось, что даже задвижки на окнах и дверные петли исчезли, а стены и полы загажены так, что казалось не люди, а животные там жили, — даже коммунистические власти не могли сдержать своего возмущения.

Так болгары познакомились с воспитанием и тем умонастроением, которое успел создать большевизм, и с его армией, на которую он возложил историческую миссию „освободить все человечество под мудрым руководством великого Сталина".

Легко представить себе то мнение, кокое создалось у болгар об этой армии, которая в их глазах представляет русский народ, русское государство, русскую систему в Болгарии, армии, о которой у нас днем и ночью гремят и трубят по радио, в газетах, на митингах, как о „двойной освободительнице."

Г. Балканский.

ЧТО ГЛАЗА МОИ ВИДЕЛИ

Все, что я здесь пишу, я видела собственными глазами, и это только сотая часть того, что я могла бы рассказать и минимальная часть страдания русского народа. Сравнить их ни с чем нельзя, т. к. это превзошло и пытки средневековья и знаменитые китайские пытки.

Вся жизнь русского народа есть сплошное страдание, и только маленькая кучка советской аристократии и людей, без которых соврежим не может обойтись, живет, более или менее, хорошо, но никто не гарантирован от преследований НКВД, значит, от страха.

Беру первый пришедший мне на память пример — это семья рядового рабочего, жившего рядом со мной в одном из предместий Ленинграда.

Назовем его Николай Рудаков. Ему было 33-34 года. Это было в 1940-41 гг., непосредственно перед войной. Семья Рудакова состояла из жены, тихой, бледной 30-летней женщины, которая так состарилась, что ей можно было дать 40-45 лет. У нее была мать 60 лет, которая выглядела 70-75 летней старухой. Кроме 3 взрослых было 5 человек детей от 8 месяцев до 10 лет. Дети школьного возраста ходили в школу поочереди, т.к. ни обуви, ни одежды не хватало. Кроме того, старший должен был помогать матери дома.

Отец работал на Ижорском заводе в Колпине. Завод вырабатывал пушки и танки, работа шла день и ночь полным ходом. Сталин готовился к войне с англичанами.

Чтобы попасть на завод вовремя, Николай должен был вставать в 5 час. утра, бежать на станцию железной дороги 2 километра, ехать поездом до следующей большой станции, где садился в рабочий поезд, который довозил его до завода. Эти поездки по сезонному (3-х месячному) билету стоили ему 25 рублей в месяц. На заводе Николай работал, не имея времени покурить и сходить в уборную. Конвейер этого не позволял. Так длилось с 7 ч. и до 11-ти. В 11 часов был перерыв, длившийся до 11 1/2 часов. Потом опять интенсивная работа до 3 1/2 часов. Но т. к. норму Стаханова за это время выработать было невозможно, то рабочие продолжали работать часов до 7 вечера. Иначе они принесли бы домой такую зарплату, на которую даже и хлеба не хватило бы купить. Работая таким образом часов 12 в сутки, Рудаков вырабатывал руб. 400-450 в месяц. Он приезжал домой в 9 час.

вечера измученный, усталый, голодный, т. к. на заводе позавтракать каким-нибудь супом или хлебом с чаем было не по карману.

Его жена покупала на базаре кости и варила из них только ему суп, чтобы поддержать его силы, остальные члены семьи сидели кругом стола и с завистью смотрели, как суровый молчащий человек, их отец, обсасывал вкусные косточки. Когда он остатки клал на стол, то их бросались обгрызать дети, ссорясь за каждую косточку. После обеда (или ужина), Николай сваливался на скамью и не раздеваясь засыпал, как мертвый. Потом он стал жаловаться на боли в области желудка, потом на рвоту. Худел он не по дням, а по часам. Удалось его прогнать, наконец, в местную поликлинику. Врач констатировал язву желудка и предложил взять бюллетень (отпуск по болезни), но Николай наотрез отказался, т. к. страхкасса платила за время болезни гроши, на которые просуществовать семье и один день было невозможно. Чем можно было в данном случае помочь Николаю? Диэтой? Покоем? Ни о чем этом и речи не могло быть. Если б его отвезли в больницу, то семья могла бы умереть с голоду. И так, оставалось только работать дальше. Месяца через 4 Николай умер. Это случилось так: он стоял на конвейере и корчился от боли, как бывало за последнее время. Вдруг он упал без сознания. В больнице сразу же констатировали перфорацию (прободение желудка). Спасти его не удалось, было слишком поздно.

Я хочу описать, как жила его семья при его жизни. Они были мои непосредственные соседи и их жизнь была у меня, как на ладони. Жили они в колхозе, снимали полдома у одного колхозника. Помещение, где они ютились (8 человек) состояло из комнаты 26-30 кв. метров и крошечной кухни, в которой и повернуться нельзя было, так что стирка происходила в большой комнате. Меблировка состояла из 1 стола и 3 скамеек по стенам, да еще пары табуреток. Одежда, вернее тряпье, висела на гвоздях по стенкам, посуда стояла в столе и на полках кухни. Спали супруги на кровати, с ними грудной ребенок, остальные на полу на соломенных мешках. О белье не было и помина. Ложились спать с приходом темноты, т. к. керосин был драгоценностью. Часто, чтобы накормить мужа, Нина (жена Николая) зажигала лучину, втыкая ее в расщелины трубы. Я не преувеличиваю ни одного слова. Нищету народа в СССР можно только преуменьшить, но не преувеличить. То, что я описываю, было в 25 км. от Ленинграда, то же самое было и в чудном городе б. Царское Село, ныне Пушкино, а в Уфе (место моей ссылки) было еще страшнее в несколько раз.

Жена и старший сын Рудакова летом ходили работать в колхоз, как наемные рабочие, т. к. в деревне из 64 бывших крестьянских хозяйств после коллективизации осталось всего 4 семьи: крестьяне постепенно бросали колхоз и уходили на заводы и фабрики, что было все-таки выгоднее, чем в колхозе. Колхозная жизнь была беспросветна своей нищетой и рабством. Зимой, когда не было колхозной работы, Нина бегала в соседний городок, за 2-3 км. стирать, мыть полы, убирать, нанималась стоять в очередях. Зарабатывала она гроши. Мальчик помогал пилить и колоть дрова, за что его кормили в городе.Дома с детьми оставалась бабушка.

Я раз присутствовала на форменном торжестве. Жена Рудакова, получив какие-то гроши, купила детям гостинцы: 2 селедки, несколько зеленых яблок и несколько дешевых пряников, да еще граммов 100 сахарного песку. Надо было видеть бедных детишек, с какой радостью они набросились на все это и делили поровну. В этот день они пили чай с сахаром и пряниками.

Мне раз Николай сказал на что идут его 400 рублей заводской зарплаты. Это тот прожиточный минимум, на который можно было не умереть с голоду, но от времени до времени страдать цынгой, отеком ног и рук, фурункулами и т. п. Вот его расходы:

Гос. заем 40 р. (в месяц), 10 р. вычеты в союз, страхкассу, подоходный налог и т. п., 25 руб. поездки на работу и домой, 15 руб. квартира, 35 р. дрова, 15 р. табак (махорка), 120 р. хлеб (4 кгр. в день по 1 р.), белого хлеба семья никогда не видала, 60 р. жиры, 15 р. сахар, 30 р. мясо, 30 р. картофель и овощи, 15 р. молоко для младших детей (2 р. литр). Все, что расходовалось сверх этого плана, зарабатывалось женой или его тяжелыми сверхурочными работами. Ни одежды, ни белья, ни обуви покупать было невозможно.

Еели семья была поменьше или имела больше трудоспособных членов, то жи-

лось немного лучше. В семьях, где младшему ребенку было 6-7 лет, работала и мать, но тогда дети росли беспризорными. И эти рабочие не только не имели права пикнуть о своей нужде, но должны были делать довольный вид. Кто процедит сквозь зубы при уменьшенной получке: "вот жизнь," тот исчезал в недрах НКВД.

Крестьяне жили в колхозах еще хуже, работая из под палки без выходных дней (с весны до осени), с 4 часов утра до 9 часов вечера в страдную пору.

Старались только выполнить норму, а как — это им было совершенно безразлично, т. к. от этого при осенней расплате крестьянину на трудо-день больше не достанется. Государство забирало все излишки, а работничек-раб голодал.

Колхозники стремились в ближайший город на какое-нибудь производство, где он был самостоятельнее и хоть 300 руб. за месяц получит, чего в колхозе не было и в помине. Но и в городах было безумно тяжело жить. Я знаю, например, жизнь больничных сиделок. Они большей частью были без мужей (вдовы, разведенные) и имели 2-3 чел. детей дома. Последнее время их ставка равнялась 130 руб. в месяц, а один хлеб на двоих стоил 60 руб. в месяц. А квартира? А все остальное? Брали, по 1 1/2 — 2 нагрузки, дома почти не бывали. И вот дома, вернее на дворе, на улице, росла армия беспризорников, которые нередко кончали урками. А кто виноват? Они? Их родители? Только режим.

В глухой провинции было еще страшнее: там спивались, кончали самоубийством, психиатрическими больницами. Чтобы достать кусок хлеба, шли на грабежи и убийства.

А теперь я расскажу, как пришли цивилизованные сытые, одетые, чистые немцы.

Это было в том же предместье Ленинграда. Наши власти сбежали, в последние их подводы и автомобили летели камни и проклятия. Народ буквально безумствовал от радости избавления от "душегубов и кровопийц". Ну, думали, теперь их рука нас не настигнет, шалишь, коротка. Копали окопы, ямы в огородах, после всех страданий при большевиках, бомбежек и сражений не боялись. Бомбежки были страшнейише, но все же ждали немцев с радостью. В нашем селе никто не эвакуировался на восток. Говорили: "Ужаснее большевиков никого не будет и не может быть." И вот они, после 3-х дневной невероятной бомбежки, пришли.

Это было чудным осенним утром, Мы сидели в окопе. Кто-то крикнул: "немцы". "Я выскочила, увидела несколько немецких солдат, бегавших от окопа к окопу и выгонявших оттуда людей. "Война кончилась для вас, выходите" — кричали они со своим бесконечно грубым "Los!" и "Raus!". Народ, несколько смущенный, со страхом и недоумением выходил из окопов, там оставались все их драгоценности: скопленное продовольствие, сухари, деньжата, платье, обувь, все то, что спасали от пожаров (деревня сгорела до тла).

Немцы первым долгом забрались в эти окопы и ограбили их: напихали карманы и сумки жалкими остатками продовольствия, которое должно было спасти людей от голода в первые дни оккупации. У меня при входе в окоп лежала сумочка с деньгами и несколькими безделушками, сувенирами от прежних лет. Два немца жадно набросились на эту сумку, и на моих глазах вытащили из нее буквально все. Когда я им с улыбкой сказала по-немецки: "Для вас там ничего интересного нет, это мои сувениры', они грубо ответили:"Твое дело молчать, а то мы размозжим тебе голову". Под землей были спрятаны швейные машинки, несколько велосипедов, несколько радио-аппаратов, сундуки с кое-каким тряпьем. Немцы вмиг разрубили топорами все сундуки и уносили куда-то содержимое. Мы недоумевали и переглядывались. Матери показывали им детей, объясняя, что эти маленькие запасы они сберегли для малюток. Немцы ничего не отвечали. Когда они находили спрятанную козу, корову или свинью, они моментально их резали и уносили мясо. Увидев мой пчельник — состоящий из 8 ульев, он был полуразрушен бомбами, и злые пчелы роились над развалинами своих домов, немцы, как бешенные варвары, набросились на ульи, вырезали соты с медом, топтали пчел. Пчелы так жалили их, что они вообще перестали походить на цивилизованных. Несмотря на горе, мы не могли не смеяться над ними втихомолку. Нам даже казалось, что наши люди не дошли бы до такого звериного состояния. Пчелы жалили и нас, а у немцев и руки так распухли, что перестали им повиноваться. Они с ног до голови были измазаны медом, стали неузнаваемы, лица

лоснились от меда, а они все жрали его, я другого выражения их жадности и подобрать не могу. Потом нам дали 15 минут на сборы и выгнали нас оттуда. Мы взяли уцелевшие телеги и лошадей, нагрузили скарбом и уехали в город за 3 км. от деревни. Там мы прожили 5 месяцев в жутких условиях фронта, боев, бомбежек и немецких грабежей. Никакие замки, запоры не помогали. Немцы взламывали все, влезали, рылись в вещах, нотах, книгах, в одежде, обыскивали углы и уносили что им нужно было. Хозяин опять запирался на замки и засовы, а немцы опять взламывали, влезали и грабили. Постепенно они забрали все и никто уже больше не запирался.

Стояли 30° морозы. На улицах у русских снимали валенки, сапоги, шубы и отпускали босыми и без шубы. У меня они вытащили все, вплоть до кроватей с тюфяками. Не успевала уйти одна партия грабителей, как являлась другая. Защищаться было невозможно, они грозили расстрелом. Один варвар избил меня за то, что я хотела взять бревно развалившегося дома для топлива. Они были так грубы, что я никогда ничего подобного не видела. Бывало сидим вечером за столом при жалкой коптилке (электричество было погублено бомбежкой, керосин продавали по граммам за хлеб или картошку, лампы были все украдены немцами) и едим кочерыжки капусты, с великим трудом выковыренные из мерзлой земли, вдруг вваливается человек 5-6 немцев, грубо хватают коптилку, обшарят все углы и с ругательством вроде "Verflüchte Schweine," уходят, унося коптилку и все, что попало под руку. Остаемся в полной темноте, Что им мешало и чего они не хотели или не могли взять, то они выбрасывали в окна. Они выбрасывали с 3-4 этажей стулья, рояли, столы. Комнаты превратили в уборные, гадили на русские книги, на сброшенные со стен портреты, альбомы. Нельзя было пройти по комнатам без страха выпачкаться. Наш народ стал разочаровываться и под конец возненавидел их так, что мужчины и многие женщины пошли в партизаны. Немцы интернировали всех мужчин, держали их в нетопленных зданиях школы и всяких иных учреждений и почти не кормили. Началась эпидемия сыпного тифа и страшная смертность. Остальное население умирало с голоду. В снегу валялись непохороненные трупы. Не было квартиры, где бы не было 2-4 трупов. Немцы расстреливали за все: если не по той дорожке пойдешь, если после 4-х часов вечера перебежишь двор из одной квартиры в другую, если пойдешь за кочерыжками в поле. Иногда на фонарных столбах висели тела повешенных. Картина была страшная. А потом увели всех евреев в парк на расстрел. Я этого не видела, но все об этом говорили.

Самое страшное, что мне довелось видеть, это лагерь военнопленных: большая площадь, огороженная высокой колючей проволокой, за которой тысячи наших пленных солдат лежали и бродили по снегу при 30° морозе. Ни зданий, ни будочек, никаких прикрытий там не было. Люди гибли от мороза, голода и сыпного тифа. В горячечном бреду они лезли на проволоку, их застреливали и трупы, для острастки другим, висели на колючей проволоке.

Вот на что звали эти вандалы наших солдат, когда бросали листовки с аэропланов, в которых призывали сдаваться, обещая мир, покой, сытость и избавление от большевиков. Нет, наш народ ни тех, ни других забыть и простить не сможет.

М. Петрова.

"... Есть права и права, и надо уметь их различать. Некоторые из них имеют реальное значение другие лишены его; кто смешивает, только обманывает народ. Есть права, как например, равенство перед законом аристократа и крестьянина, телесная неприкосновенность каждаго гражданина и т. п., которые достались народу после упорной борьбы и настолько дороги ему, что малейшая попытка нарушить их вызовет восстание. И есть такие права, как всеобщая подача голосов, свобода печати и т. п., к которым народ был всегда равнодушен, так как он чувствует, что эти права, защищая буржуазию от самовластия правительства и аристократии, служат орудием в руках господствующих классов для порабощения народа. Их даже нельзя назвать политическими правами, так как они не охраняют интересов народа; это только наш политический язык — жаргон, выработанный правящими классами исключительно для своих нужд, — величает их этим громким именем."—П. КРОПОТКИН.

"Захотим-ли мы свободы печати, свободы слова, собраний, союзов — мы не должны просить их у парламента, не должны ждать от сената, как милостыни, издания соответствующего закона. Станем организованной силой, способной показать зубы каждому, дерзнувшему посягнуть на наши права; будем сильны, и никто не посмеет тогда запретить нам говорить, писать и собираться."—Кропоткин.

ИНТЕРКЛУБЫ

У секретаря мариупольского комитета комсолома был "серьезный разговор". Перед очами "вождя" портовой молодежи сидела молоденькая девушка. По ее розовым щечкам текли слезы. Она вытирала платочком то нос, то заплаканные голубые глаза и оправдывалась.

— Не могу я туда ходить, товарищ Кутенко; они пьяные, пристают, лапают. . . . Не могу! Да и Андрей сердится; его не пускают туда, он ждет, ждет меня и уйдет, а потом и разговаривать не хочет. А я ж его люблю-у-у! . . .

Девица снова разревалась.

— Да перестань ты выть! — увещал Кутенко. — Мне что ли это нужно? Тебе комсомол боевое задание дает, а ты нюни распускаешь! Другая бы с радостью побежала, да языка не знает. А ты по-гречески хорошо говоришь, — это нам и надо. Привыкнешь, освоишься и все пойдет похорошему. Пьяные они? Что за беда? А что лапают, — это твое дело, как себя поведешь. Другие девчата не жалуются, довольны. И подарки получают: то чулки, то материи на платье, а то и часы ручные. Где ты такое достанешь?

— Да мне ничего и не надо, — заметила девушка.

— Тебе не надо, зато нам нужно! А ты что? Скоро месяц как тебя послали, а ты что сделала? Ничего! Другие за это время не одного грека обработали и сведения дали, а ты? Тебя за чем посылали? Нет, милая, надо дело делать!

— Да не знаю я, как это делать! Сижу, говорю, потанцую, а он все свое. . . .

— А ты учись, смотри, как другие работают. Объясняй ему, как тебя инструктировали, о нашей прекрасной жизни говори, о борьбе рабочего класса, о капитализме. . . . Сама знаешь, инструктаж получала! А тем временем и о другом: как, мол, с тем, с другим . . . Увидишь, что человек, может рассказать дельное, постарайся его завлечь. Прижмись к нему, скажи, что влюбилась, что ждать будешь, когда снова приедет. . . . Ну, да не мне вашего брата учить! Я скажу Елене, она тебе лучше растолкует, свой опыт передаст.

— Да Андрей не хочет, чтобы я туда ходила. Говорит: "Если меня любишь, — брось это!"

— А ты мне своего Андрея сюда пришли, он, тоже комсомолец, я его здесь в оборот возьму! . . .

Девушка тяжело вздыхает, вытирает еще раз носик и выходит из кабинета.

— Видел? — спрашивает Кутенко. — Вот и поработай с таким народом! Она, видишь, любит своего Андрея и не хочет нагрузку выполнять. А кто пойдет с греками разговаривать? Пушкин?

— Да в чем дело, я что-то не пойму!

— Как в чем дело? Да в интерклуб не желают ходить, греков агитировать. Понимаешь, есть у нас интерклуб для иностранных моряков. Больше всего приходят греческие суда, руду берут, но бывают англичане и другие. Мы имеем задание: выявить всех комсомолок, знающих греческий и английский и направить их работать в клуб.

— А что такая девченка там делать будет?

— Да ничего ей делать не надо! Приоденься, иди вечером в интерклуб, танцуй, смотри кино, концерты слушай, — вот и все дело. Какое у бабы занятие? Надо греков уму-разуму учить, да узнавать у них то, что нам интересно. Ну, что нужно они знают, всем им в НКВД инструкции дают. Все интересно: сколько в каком порту судов стоит, чьи корабли приходят, что привозят и что берут, какая армия, какое вооружение, как народ живет, чем недоволен. . . . Да мало ли что интересного! Вот Елена, о которой я говорил, уже человек пять завербовала греков. Все они связь наладили, каждый рейс привозят записочки, а в них нужные сведения. Передают в клубе Елене, а она относит куда нужно. А эта, как теленок: "Не хочу да не хочу, я своего Андрея люблю!" А что ее убудет, если вечер-другой с греком посидит? Смотришь, подарок от него получит и связь установит. Да ничего, привыкнет, еще молодая!

— И много комсомолок в клубе?

— Человек пятнадцать, Танцуют там с греками, песни наши петь их учат, политграмотой между делом занимаются с ними, сталинскую конституцию объясняют, брошюры разные им в карманы суют. . . . Дело не хитрое! А увидят, что свой парень, — значит тогда уже по-серьезному разговор. Только мало таких среди греков, народ все политически неграмотный. Только

на берег вышли, — давай пить, танцевать да бабничать. Или в биллиардной будут целый вечер шарики гонять, а на лекцию или в кино—хоть на веревке тяни. Ну, а если баба под рукой, — он куда хочешь пойдет! Вот потому мы комсомолок и мобилизуем для работы среди иностранных моряков. Другой, смотришь, упирается, а баба его потянет за рукав, он и прет на лекцию или в кино. А что там обнимается, лапает, — беда не большая: главное, чтобы дело было сделано.

— Но, ведь, действительно, противно девчатам в любовь с греками играть! Ведь это же смахивает немного на известное учреждение!

— Да что за беда? Что они за невинности? Почти все ночами по кубрикам треплются. Подарки хорошие получают. Ну и пусть их, это их дело личное, нам не мешает. Пусть только на мировую революцию работают. Не важно как, важно, чтобы сведения получили и побольше друзей для советского союза завербовали. А там — треплись по кубриками, если хочеш! . . . Беда только — мало комсомолок греческий знают. Надо бы еще штук 20. ...

***

Вечером я зашел в интерклуб. Невысокое каменное здание обнесено забором, за которым чахлый садик. Дорожки посыпаны желтым песком. Все подметено, чистенько. Много чище, чем на городских улицах. При входе в клуб буфет. В нем — что душа желает и чего не увидишь в лучших магазинах. Вина, водки, икра, масло, консервы, ветчина, колбаса, сыры, лучшие сорта папирос — все продается по дешевке, но только за иностранную валюту. В комнатах мягкая мебель, ковры, на стенах хорошие картины, танцевальный зал в зелени и цветах, бильярдная с двумя столами: играют в три шара, столы без луз. Моряки-греки громко говорят, держатся уверенно, по хозяйски, перебрасываются шутками, любезничают с комсомолками. Девушки завиты, накрашены, щеголяют в красивых платьях, туфлях и — мечта каждой советской женщины! — в тонких добротных "заграничных" чулках. У многих на руках кольца, часы — подарки греческих "друзей советского союза." Комсомолки подвыпили за счет иностранной валюты, глаза блестят, смех громче и вызывающей. Незаметно, чтобы девушки были недотроги; сидят они в самых дружеских позах с представителями иного, не советского, мира и обращаются с ними довольно фамильярно. Здесь это не запрещено, здесь "делают дело" и потому все дозволено, все узаконено. В другом месте появление советской подданной в обществе иностранца может привести к неприятным последствиям. Здесь же все идет "на благо мировой революции". Законный дом свиданий, куда дамы отбираются и проверяются высокими советскими учреждениями, выполняющими волю партии.

Моряки танцуют, пьют, поют со своими однодневными комсомолками — подругами. Затем открывается небольшой, но уютный кино зал. Людей не много, места пустуют. Рассаживаются парочками по углам. Фильмы — обычные для заграницы: парад физкультурнников, отрывки из лучших русских балетов и опер, показ "вождей" в группах и поодиночке, пляски народов СССР. В темноте зала по уголкам раздается смех, слабые вскрики. Идет двухстороняя "обработка" будущих друзей советского союза. . . .

***

"У кого что болит, тот про то и говорит". В советской России каждый отъезжающий заграницу получает точные инструкции насчет поведеня. "Не пейте и, особенно, не вступайте в случайные знакомства с женщинами", — говорят отъезжающим чекистские наставники." — "Женщины — особенно опасны. Каждая из них — потенциальная шпионка; ей вы можете выболтать доверенные вам государственные тайны".

Это энкаведисты знают по собственному опыту. В Мурманске, Ленинграде, Владивостоке, Одессе, Поти, Мариуполе, — везде, где в советские порты заходят иностранные суда, созданы "иинтернациональные клубы". Это , так сказать, первичные пункты советского шпионажа, очаги уловления "друзей", вербовки сотрудников "мировой революции". Средство — женщины. По приказу партии, комсомол поставляет сюда "живой товар", "мобилизует" красивых комсомолок, владеющих иностранными языками. Многие из них проходят специальные школы по изучению языков и шпионской работы. Каждая советская девушка мечтает о "красивой жизни", какую подносят ей кино и романы, о хорошем наряде, об уютной квартире. В интерклубе есть эта "красивая жизнь" на взгляд советской девушки, не

видавшей ничего, кроме вечной нужды, вечных поисков одежды и обуви, вечных очередей у магазинов. "Красивая жизнь" переплетается здесь с романтикой: девушке объясняют, что она служит "мировой революции". Поэтому многие комсомолки охотно занимаются "работой" в интерклубе, совмещая приятное с полезным. В Мурманске, например, я знал красивую интеллигентную женщину, хорошо владевшую немецким и английским языками. Она была женой одного известного поэта, попавшего в немилость. Мужа отправили на восток, а жене предложили ехать на север. Она проводила все вечера в интерклубе, сопровождала "друзей советского союза" по городу и говорила, что вполне довольна своей судьбой. В дорогой гостинице она занимала прекрасный номер и официанты из ресторана должны были, часто по ночам, носить к ней вина и закуски, которыми угощались "друзья". Женщина эта совмещала тоже приятное с полезным, сочетая уловление душ с коммерческими операциями. "Друзья" несли ей валюту и заграничные вещи вместе с необходимыми сведениями для НКВД. Шпионка нигде не работала, но жила прекрасно.

Н. Пермяк.

ШОФЕР МОЛОТОВА

С этим человеком довелось мне однажды встретиться.

После суда нас, группу студентов, приговоренных за антисоветскую деятельность к разным срокам заключения, перевели из главных корпусов Бутырской тюрьмы в "пересылку" — бывшую арестантскую церковь, приспособленную большевиками под тюрьму. Она стоит посредине внутреннего двора Бутырок. Три этажа — по шесть больших камер на каждом этаже. Нас рассадили по разным камерам.

Мы подали кассационные жалобы в верховную прокуратуру СССР с просьбой пересмотреть наше дело, ссылаясь на то, что предварительное следствие велось "неправильно" — нас били. Но время шло — ответа не было. Друг с другом мы держали связь путем перестукивания. Только об одном товарище мы ничего не знали — он сидел в смертной камере в особом корпусе.

Я попал в камеру № 3 на втором этаже. В этой камере, рассчитанной на 40 человек, я был 108-м. Сплошные досчатые нары без тюфяков, кафельный пол и — кусочек неба над козырьком, закрывавшим снаружи большое с решеткой окно. Мы спали не только на нарах, но и под нарами, спали на единственном грубом столе, на деревянных щитах, положенных с нар на нары, — обычная картина в 1937 году в Бутырской тюрьме, вмещавшей в этот страшный год 11-12 тысяч политических заключенных. За год шатаний по московским тюрьмам я уже привык к подобной обстановке и все это меня нисколько не удивляло.

Из рабочего корпуса нам иногда во время ужина друзья-заключенные тайно передавали газеты в бачке с овсяной кашей. Мы с интесом следили за очередным политическим процессом, происходившем в Москве, — процессом Пятакова. Все мы были поражены приговором: из тридцати с лишним человек трое — не расстреляны, и среди последних — Арнольд, личный шофер Молотова, который, судя по его собственному заявлению, должен был убить Молотова.

Всем нам казалсь, что тут что-то не ладно. Мы на примерах видели, как за одно только пожелание смерти кому-нибудь из "вождей," случайно или сгоряча сорвавшееся с языка, — люди отправлялись на тот свет, а тут вдруг — человек открыто, нагло, на суде, при публике, заявляет, что он хотел убить Молотова, по поручению террористической организации, но что покушение не удалось, и — его оставляют в живых, приговаривают лишь к десяти годам заключения, в то время как его товарищей по заговору расстреливают. Все это было очень, очень странно и занимало нас не меньше наших собственных дел.

Читая газеты, мы поражались, с каким цинизмом и нехорошей откровенностью Арнольд рассказывал о самых тайниках террористической организации, "вскрывая вены" то одному, то другому товарищу по заговору. И даже — чего никогда не бывало на крупных политических процессах в Москве в годы 1936-37 — пытался острить, рассказывая о своих авантюристических похождениях в Южной Америке. По-человече-

ски сочувствуя его расстрелянным товарищам, сочувствуя хотя бы за то, что они сложили свои головы за попытку свергнуть чудовищный режим Сталина, мы ни капельки не сочувствовали Арнольду. В то, что процесс инсценирован большевиками, мы не верили; антисталинский заговор был, это несомненно. Но роль Арнольда в этом процессе представлялась весьма туманной, несмотря на его откровенную болтовню в зале суда.

И вот однажды, в марте 1937 года, часов в одинадцать ночи, когда вся пересыльная камера, все 108 человек спали, лишь охочие до чтения склонялись над страницами книг при свете тусклой лампочки под потолком,— звякнул ключ в замке, открылась дверь и корпусной впустил к нам в камеру "новичка." Этот "новичок" был небольшого роста, курчавый, на вид ему можно было дать лет 40-45. Тонкое демисезонное польто, щегольские ботинки, вытюженные брюки шоколадного цвета. В руках — два больших кожаных чемодана. Он остановился около "параши," брезгливо покосился на нее и, поставив на пол чемоданы, негромко, но смело спросил:

— Кто староста?

Я лениво толкнул спавшего рядом со мной старосту — рабочего с завода "Каучук" Александра Иванова.

— Ну, в чем дело? — недовольно осведомился он, подымая заспанную голову.

— Новичок. Запиши, Саша.

С бесконечным сопением, чертыхаясь, Иванов достал замусоленную теартдку, карандаш, кивком головы подозвал "новичка." Тот подошел, размашисто и уверенно.

— Тек-с... Сто девятый... — пробормотал Иванов, ставя номер. — Из общей что-ль?

— Нет, из одиночки... — весело ответил прибывший.

— По 58-й статье?

— Да.

— Пункт?

— Первый, четвертый, шестой, восьмой, девятый, десятый, одиннадцатый...

— Фью!... — свистнул Иванов. — И не шлепнули?

— Катушку дали*

— Ловко, брат, отделался... Ну, ладно. Фамилия?

— Арнольд...

— Как?!

— Арнольд...

— А ты... а вы не родственник тому, что по процессу?...

— Я самый и есть... — усмехнувшись ответил прибывший. — В Суздальский политизолятор еду, наверно, переночевать к вам завели.

Сразу проснулись все обитатели камеры; с любопытством стали разглядывать знаменитого человека. Арнольд как-то скучно оглянулся и сказал:

— Вот что, товарищ староста, нельзя ли мне место на нарах получить? Я ведь на одну ночь только. Я, знаете, много перенес, устал очень...

— Нет, — хмуро ответил Иванов. — У нас существует очередь на этот счет. — Ложитесь на пол, к "параше"...

Место все-таки нашлось для Арнольда, кто-то потеснился, потеснил соседей. Арнольд разостлал белоснежную простыню, достал ослепительный пододеяльник, мягкое байковое одеяло. Достал белый хлеб, порезал, густо помазал сливочным маслом, сверху положил добротный кусок сыра. Мы зачаровано смотрели на его толстые губы, за которыми быстро исчезал бутерброд за бутербродом.

Он оказался болтливым и словоохотливым человеком, таким, как мы его и представляли, читая газеты. О своем "деле" говорил много и охотно, прибавляя, однако, от времени до времени одну и туже фразу: "я знаете, очень раскаиваюсь в содеянном преступлении." На вопрос: действительно ли он хотел спустить автомобиль с Молотовым под откос в Сибири? — отвечал: "Да, я должен был по заданию мерзавцев убить Вячеслава Михайловича, но, знаете, я глубоко раскаиваюсь"... и т.д.

Самый юный член нашей камеры, пятнадцатилетний Вася Финцов, получивший три года за мечты установить на историческом музее пулемет и "резануть" из него по мавзолею Ленина, по "вождям" во время первомайского парада, — осведомился: "били ли Арнольда на допросах?"

Арнольд сначала удивился, а потом рассмеялся:

— Да ты что, ошалел? Что тебе, НКВД— царская охрана что-ль? Самое корректное отношение! Кофе, беф-строганов. С Ягодой я во время допросов частенько в шахматы играл...

— А нас вот бьют... — уныло заметил мальчик.

Сгрудившиеся было вокруг Арнольда аре-

* Десять лет заключения. Максимальный срок по советским законам в 1937 году. За десятью годами — сразу расстрел.

станты стали расходиться. Некоторые еще оставались, забрасывая его вопросами. Он все так-же охотно рассказывал, но редко выходил из рамок газетных сообщений.

Засыпая, я слышал, как долго ворочался возле меня рабочий Иванов. Вздыхал, бормотал:

— Сволочь... гад... провокатор... подвел товарищей под пулю, а сам белый хлеб с сыром жрет.

Часов в пять утра снова звякнул ключ. Вошел корпусной, в коридоре маячили трое конвойных.

— Арнольд!

— Я! — встрепенулся заспанный Арнольд.

Корпусной внимательно посмотрел на него, потом на фармуляр, сверил с фотографией.

— Соберитесь с вещами.

— Есть!

Арнольд суетливо стал укладывать чемоданы.

— Куда? — зашептали со всех сторон.

— В Суздаль... в политизолятор, — ответил Арнольд и, закурив папиросу, вышел в корридор тюрьмы.

Больше мы ничего о нем не слышали. Никогда.

С. Калугин.

ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ

(Письмо третье)

В Томском оперативном секторе ГПУ, после того, как я зарегистрировал свой адрес, — это была квартира моего земляка, арестованного вместе со мной, который, окончив ссылку, остался в Томске для "минуса," — с ним я переписывался, — мне объявили, что на "регистрацию" я должен являться каждые 10 дней, т.е. 10, 20, 30-го, что выезжать из города я не имею права и что о перемене адреса должен сообщить в течение суток, в противном случае — "вы сами знаете, ведь вы там были, концлагерь."

Поработав две недели на очистке улиц от снега, я устроился счетоводом в одном из учебных заведений. В скором времени я познакомился с нашими товарищами, отбывавшими "минус" в Томске: с Михаилом Аксельродом из г. Александровска на Херсонщине, студент Харьковского ВУЗа, в Томске работал в карто-литографии при Геологоразведочном Комитете переводчиком, т.к. там работало много "инспецов" — немцев, прибыл в Томск из Нарыма, где был в ссылке; с Артуром Лобе (питерец), работал бухгалтером в промысловой артели; с Лобе жил в одной с ним квартире артист Березовский, называвший себя сочувствующим нашему движению; он отбывал ссылку в Томске не то по "бытовой," не то по другой какой-то статье; со Ст. Разиным из г. Уфы, тоже прибывшим из Нарыма и работавшим завхозом при одном учебном заведении; с Михаилом Беляевым (брат анархиста Ивана Беляева), он работал слесарем при артели кустарей, был вместе с Лобе в ссылке и в изоляторе .

От Аксельрода узнал, что в Томске отбывает ссылку профессор Бем (математик, москвич). Побывать у него на квартире не довелось ,но в скором времени я встретился с ним в камере внутренней тюрьмы ГПУ в г. Томске.

У всех нас было мало свободного времени, т.к. нам, ссыльным, что бы удержаться на службе, приходилось работать и вечерами, выполняя работу почти за двоих, поэтому приходилось бывать вместе в ограниченном числе: не более 3-4 товарищей. Беляев болел туберкулезом, он все время чувствовавл себя подавленным. Лобе был, порой до невменяемости, нервным. Его нервность усугублялась болезнью уха, требовавшей операции с трепанацией черепа. Болезнь эту он получил, — а если она была и раньше, то осложнилась,— после перенесенных им побоев при избиении в Верхне-Уральском полит-изоляторе. Аксельрод тоже имел зачатки туберкулеза, но не показывал вида, что болен. Андрийченко занимался изобретательством гаечных ключей, орифмометров и изучал телевидение. Человек и в одиночной камере может обжиться, а мы имели камеру в площадь г. Томска. Ясно, что мы обжились, настроив себя на определенный срок, данный ГУП, забыв, что "хозяин наш" имеет другие планы.

1 января 1933 г., в начале занятий, зашел в канцелярию "самоуверенный гражданин," предъявивший мне "бумажку на право обыска и ареста," произвел тщательный обыск во всех ящиках стола и в делах служебных и сказал: "Следуйте за мной, а квартира ваша опечатана, мы уже были там ночью." (Ту ночь я дома не спал). В камере, куда меня посадили, уже был Лобе и еще двое, знакомя с которыми, Лобе назвал: "Наши товарищи — Бем и Науменко." Последний, кажется, Костя по имени, точно не помню, питерский рабочий, электро-монтер, недавно

прибывший в Томск в ссылку. Аксельрод, Беляев, Разин, Андрийченко, Березовский и оперный артист—Николаев сидели в другой камере.

На вопрос Артуру (Лобе): "В чем дело?" — Очередная провокация, — ответил он с присущей нервностью, усугубленной обстановкой. Бем ходил по камере в нервном волнении, видно он никак не ожидал такого "сюрприза." Мы же, Науменко, Лобе и я, приняли это, как "должное" в нашем положении.

К вечеру удалось "перебросится" с другими товарищами несколькими словами и решили требовать 'нашего" уполномоченного ГПУ — Князева, начальника СПО (секретно-политического отдела). На наш стук в двери и на барабанный бой в арестантскую посуду, часовой вызвал уполномоченного, который на наш протест против ареста заявил: "Вы все арестованы по распоряжению краевого (Ново-Сибирского) ГПУ, я ничего не знаю: как только будут места в вагоне, я вас отправлю."

Пришлось ждать пять дней. Все мы хотели скорее попасть в Ново-Сибирск, т.к. были недовольны плохим питанием и теснотой камеры: в камере, расчитанной на два человека, нас сидело пять. Отправили нас "спецконвоем," т.е. в классном вагоне, в котором нам и охране — красноармейцы войск ГПУ-НКВД, — отвели два купэ. Только в этапе я узнал причину нашего ареста: в кладовой квартиры Лобе, которой он пользовался вместе с хозяйкой, при обыске нашли "прокламацию," отпечатанную на шапирографе, против "индустриализации страны" за счет умирающих миллионов от голода.

Из комендатуры Ново-Сибирского ГПУ нас, вызывая по одному, развели по камерам. Тут я расстался с товарищами и сошлись мы вместе, кроме Бема, лишь в апреле, когда нас вели из внутренней тюрьмы ГПУ в общую городскую.

Когда меня подвели к камере и открыли дверь, то меня обдало удушливым испарением человеческих тел и зловонием "параши." Переступив порог, я не мог дальше сделать шага, не ступив на человека. Сзади дверь моментально захлопнулась. Я поворачиваюсь и начинаю бить ногами в дверь, выражая возмущение против такого бесчеловечного отношения. Надзиратель, подойдя к двери, спокойным тоном сказал: "Брось стучать, бесполезно" и отошел от двери.

В тоне надзирателя я почувствовал "школу эволюции кадров ГПУ" и бесполезность протеста. Было уже поздно и большинство арестованных спало. На поднятый мною шум многие подняли головы с выражением удивления и недоумения на лицах: как это арестованный может выражать еще протест?

Камера напоминала дно бочки с сельдями, т.к. на нарах лежали "бочком," т.е. в целях экономии места все лежали на боку; в проходе же между нарами лежали "по-китайски": один к другому ступнями к голове, как сельди в бочке; под нарами же лежали свободнее. По кубатуре Харьковской Холодногорской Николаевской каторжной тюрьмы, в которой мне пришлось сидеть несколько месяцев в начале 1919 года, где тогда еще сохранились надписи над дверью, на сколько человек камера и ее кубатура, данная камера была на 6-8 человек, а тут лежало 62 "человеческих тела." Мне, все еще стоящему у двери, посыпались вопросы: кто, откуда и за что? Я им ответил: анархист, арестован в ссылке по провокации ГПУ. На нарах у окна задвигались, один поднялся и предложил мне место, объясняя, что он посидит у меня в ногах, а я полежу и так будем меняться. Это было уже под утро. Проснувшись, я увидел кучу людей, протягивавших головы к окну, в котором была открыта форточка. Это была очередь подышать морозным воздухом, врывавшимся в камеру клубами пара. Ночью же открывать форточку запрещалось. Эта картина мне напомнила скопление рыбы подо льдом на Оби у мест впадения в нее ручейков во время "замора," когда рыбе нечем дышать.

На допросы, как правило, вызывали из камеры только ночью: с 8 часов вечера и до утра. Были случаи, что с допросов возвращались через 12-24 и 48 часов. В течение этого времени арестованный допрашивался сменявшимися следователями, в паузах между допросами арестованный ставился на "выстойку": если на выстойке человек засыпал, то стоящий при нем часовой "нежным уколом штыка" или "мягким прикосновением приклада" приводил его в чувство, а если он падал без чувств, тогда пускался в ход холодный душ. Когда допросами, выстойкой и голодом арестованного доводили до состояния полного безраличия и тупой невменяемости, тогда ему давали подписать сфабрикованные обвинения, показания и оговоры.

Со мной сидел человек, который, после 36-часового допроса с "выстойкой," без сна и пищи, придя в себя только уже в камере, с истерическими рыданиями рвал на себе

волосы, причитая: "Что я наделал? Ведь я погубил невинных людей!..." Но было уже поздно: сталинская инквизиция свое дело уже сделала. Второго моего сокамерника держали 48 часов. После допроса его отводили в одиночку, кормили соленой пищей, а на допросах перед ним ставили графин с водой. Сила жажды была так велика, что за воду он согласился подписать то, чего не было, но что нужно было ГПУ. Третьего "купили," т.е. обещанием выпустить завербовали в сотрудники. Правда, он на второй день ушел, но куда? Четвертому давили пальцы, заложенные между косяком и дверью. В общем, в таких случаях у гепеушников сугубо "индивидуальный подход."

За три месяца сидения во внутренней тюрьме меня только раз вызвали на допрос, предъявили обвинение в принадлежности к подпольной контр-революционной организации и в агитации и требовали подписаться. Я сосчитал количество строк обвинения и написал: предъявленное мне обвинение на стольких-то строках читал, но не признаю (подпись). Количество строчек оговорил для того, чтобы ничего к ним не добавили. Следователь упомянул о найденной "листовке" в квартире Лобе, на что я, чтобы сразу его обрезать, ответил: "Это ваша работа." Следователь погрозил мне концлагерем за "дерзость" и велел часовому отвести меня в камеру.

И. В. А.

„КУЛАЦКАЯ МОРДА".

Ленинград и Москва — шумные, многолюдные города. В период „раскулачивания" они были для „кулаков" и „подкулачников" самым укромным местом: нырнул в людскую гущу, а там пусть докапываются. А ежели когда и докопаются, то, авось, не те времена будут.

Так вот, иду я в многолюдном Ленинграде по многолюдной улице. Вдруг слышу свист, крики, топот ног.

— Товарищ начальник, стрелять?

— Нет, не надо, а то еще прохожего пришибешь. Степанчук, гони ее, кулацкую морду, на Садовую, а прочим приказываю разгонять публику.

Смотрю, публика устремилась в одну точку и я туда. Вижу, по Невскому бежит собака, а за ней десятка два милиционеров. На собаке привязаны по бокам красные плакаты, на коих белыми буквами было написано:

„Уберите Сталина,
Иначе буду сжарена."

А.З.

СЛУЧАЙ С ПОЭТОМ

Недавно в Германии наделало много шума одно небольшое стихотворение. Один поэт из немцев написал несколько строф о солдатской славе. Написал честно и без прикрас, то, что было на самом деле. Вот некоторые строки:

"Я знал вас в чести, с орденами,
Из камня и дерева лица.
Потом же вы были разбиты
И стали и гадки, и малы.

. . . .

Вы были во Франции, в Польше,
Вы видели Волгу и Дон;
Вы грабили и воровали, —
— Теперь вы забыли о том.

. . . .

Остались сироты и вдовы
И ветер в руинах поет.
Да, песнь о железе и крови —
— Обломков Германии песнь!..."

И вот на поэта за эти стихи напали десятки уже не фашистских, но "демократических" немецких газет. "Скверная, грязная работа!" "Тьфу, чорт!" "Грязь!" — завопили новоявленные "демократы," еще недавно лизавшие гитлеровские сапоги. "Да полно, немец ли он?" — вопрошала одна газета, заявившая, что немец не мог написать такие стихи.

Что немцы грабили и воровали в занятых странах знает каждый, а тем более сами немцы, в квартирах которых и теперь еще стоят вещи, вывезенные из Франции, Голландии, Польши, России, так что никто не может прикинуться простачком, не знавшим, что творилось. Стихотворение сравнительно мягко напоминает о былой "славе" гитлеровского солдата. Так почему же такой вой подняли газеты?

Да потому, что правду сказал свой, **немец,** и попал не в бровь, а в глаз каждому. Да потому, что фашистские молодчики, благополучно прошедшие "денацификацию," поднимают голову, снова открыто рассуждают о превосходстве немецкой нации над всеми другими народами. Даже беженцев немецкого происхождения они считают за полулюдей. Германия сейчас, больше чем когда либо, нуждается в пропаганде интернационализма, но зап. союзники, увлекшись сохранением капитализма, а большевики насаждением сталинизма, предоставили духовную жизнь немцам с подозрительным демократизмом. И вот плоды: возрождение шовинизма. Одна немецкая газета поместила статью

о бесславном конце Гитлера. Моментально откликнулись наци и прислали письма, содержание которых в основном таково: "Что, собственно, вы нам головы затуманиваете? Мы прекрасно знаем, что Гитлер жив и вскоре вы это почувствуете!"

А с поэтом дело обстояла так: две ночи подряд в его квартиру летели камни. Все окна были выбиты. Одним камнем ранена дочь. Поэт позвал стекольщика вставить новые стекла. Но стекольщику было заявлено, чтобы он не смел работать, если не хочет неприятностей. Преследование поэта продолжалось до тех пор, пока он не переехал в другой город. **Н. П.**

"Благородный разбойник"

В книге "Я был другом Сталина," Н. Корганов рассказывает некоторые пикантные подробности о детстве Сосо Джугашвили. Оказывается, любимыми героями Сталина были разбойники Кирим и Целукидзе. Кирима Сосо уважал даже больше, т. к. он грабил богачей и раздавал добычу беднякам. Сосо создал из приятелей шайку и играл в "благородного разбойника". Шайка "нападала" на знакомых, отбирала у них разные карманные вещи и Сталин "дарил" эти вещи "беднякам" из своей шайки. Хотя новоявленному Кириму иногда крепко влетало за проделки от матери и старших, Сосо не падал духом и продолжал увлекательную игру.

Но все это были детские игры по сравнению с будущим. Прошли годы, и Сосо превратился в усатого "отца народов". Он создал шестимиллионную партийно-чекистскую банду. Все богатые в стране были ограблены и уничтожены, остались одни бедняки. Но банду надо кормить, и Сталин, вопреки детской "разбойничьей благородности", принялся грабить бедноту. Награбленное делится среди участников грабежа, которые разжирели и разбогатели.

Последователь Кирима стал первым грабителем в мире, перед ним благоговеют все меньшие грабители во фраках. Сталин и в старости продолжает грабить, но уже бедным ничего не раздает: в детство не впадает. . . .

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ ДЕЛО ТРУДА - ПРОБУЖДЕНИЕ

ПЕРЕПИСКА "СЫНА" С "ОТЦОМ"

С приветом к Вам, мой дорогой и многоуважаемый папаша. Извините, что так Вас называю. Мне иначе нельзя, т. к. Вы, в действительности, по годам отец мне. Я молод, всего мне 25 лет. Вижу из Вашего письма, что Вам уже наверняка перевалило за 50 лет. Ваше письмо мною получено, за которое Вам сердечно благодарен, а также и за Ваши хорошие советы.

Мое положение немного улучшилось, благодаря тому, что была новая постройка дома у одного частника, для которого требовались рабочие. Я работал там по воскресеньям и кое-что заработал. Половину заплатил в госпиталь, а также решил понемногу платить нашей редакции за книги; уже выслал кое-что, но конечно, этого мало, знаю наверняка. Издание журнала требует много денег, а где их взять, если не даст сознательный рабочий? Я думаю, что товарищи меня извинят за присланную мизерную сумму. Рад бы всей душей послать больше, да сейчас не в силах это сделать.

Вы, дорогой папаша, правы, что так цените статьи журннала "ДТП": они очень увлекательны, интересны, поучительны, в особенности для молодежи. Кто читал журнал "ДТП", тот, я думаю, очень высоко его ценит и будет ценить. Этими статьями журнал прокладывает большую дорогу, а также наталкивает молодежь на правильный путь борьбы за рабочий класс. Моя встреча и знакомство с анархистами случайная. Когда я проехал всю Европу, я видел жизнь, начинаю узнавать ее и здесь, и я понял, что никакая партия не даст рабочему свободы и жизни, а если и даст, то это будет, как в России, только на бумаге. Верить прихвостням капиталистов и пятой колонне нельзя ни в коем случае. Мое мнение такое: пока существуют деньги, до тех пор будет эксплоатация рабочего класса. Я верю в то, что только одно учение в мире может дать полную свободу рабочему народу — это анархизм.

Будьте добры, пришлите, если знаете, адрес "Синего Креста": я хочу застраховать свою жизнь и иметь страховку на случай болезни. Может быть Вы знаете другую, более хорошую страховую компанию, где бы я мог застраховаться. Родных я имею в Россию, но адреса их я не

могу дать при страховке жизни, я думаю дать адрес нашей редакции, если возможно, чтобы в случае моей смерти она могла получить страховку. Я знаю, что долго не проживу, т. к. мое здоровье подорвано пленом, лагерем у немцев в течение 3 лет и последним трех-летними скитаниями по лагерям Европы. Большой страх имею за своих родителей в России. Чтобы обезопасить их, приходилось все время скрываться и жить под чужим именем. Это очень тяжело. Одно время в Австрии меня преследовало МВД, т. е. агенты репатриационной комиссии. Желаю Вам наилучших успехов в жизни и в работе. Остаюсь с сердечным почтением к Вам. **С—кий.**

* * *

Здравствуй, дорогой сынок! Я нисколько не смущен тем, что ты обращаешься ко мне, как к отцу, и называешь меня папашей, ибо я много старше тебя. Хотя мы с тобой еще не встречались и лично не знаем друг друга, но уже с самого начала нашей переписки я понял, что хотя по крови я тебе и не отец, но по идее, по убеждению — да. Такое твое обращение ко мне меня очень радует, т. к. я считаю, что такой молодой человек, как ты, верящий в идеал анархизма, который я проповедую десятки лет и за который меня преследовали в России при царизме и при большевизме, действительно, является моим сыном по идее.

Я надеюсь, что ты меня вполне поймешь, если я скажу, что мое родство, моя семья — угнетенный рабочий класс всего мира, за освобождение которого я борюсь с 17 лет и буду бороться до конца дней своих. Я очень рад, что в тебе я приобрел сына по идее, но я встревожен твоим разговором о смерти. Смерть не минует никого и мы с тобой не избежим ее, но в твои годы думать о ней рано. Надо надеяться на улучшение здоровья и не падать духом, а нужно, как говорится, взять себя в руки, верить в приближение справедлвости и упорно бороться за осуществление нашего общего идеала. Нужно всегда иметь в виду, что ты не являешься единственным в мире и что, кроме тебя, миллионы людей по всему миру подвергаются преследованиям и лишены нормального человеческого существования по воле богачей и всевозможных правителей.

Как и в молодые годы, я и теперь не падаю духом и помогаю трудящимся мира опрокинуть всех своих угнетателей и эксплоататоров и осуществить строй социальной справедливости без правителей и диктаторов. Деятельность в этом направлении поглощает все мое существо и не позволяет думать ни о болезни, ни о смерти. Вопреки многочисленным тяжелым испытаниям, перенесенным мною в борьбе за освобождние трудящихся, я сохранил свое здоровье и даже теперь принимаю активное участие в движении. Поэтому, чтобы не жить только растительной жизнью, как животные, нужно иметь возвышенную идею и бороться за нее. Эта борьба преодолевает все препятствия на пути к свободе, равенству и братству, наполняет жизнь содержанием, осмысливает ее, делает ее человеческой, а не животной.

Я Вам писал, чтобы Вы не беспокоились о расплате за литературу. Вы это сделаете потом, когда окрепнете физически и запасетесь немного средствами. Вполне согласен с Вами в том, что следует скрывать Ваше местожительство в России, где находятся Ваши родители. Для большевицкой клики, управляющей Россией, человек ровным счетом ничего не значит. А так как Вы теперь находитесь заграницей и можете рассказать о тяжелой жизни народов России, то Ваши родители могут подвергнуться преследованию.

Итак, мой дорогой идейный сынок, укрепляйся физически и духовно, набирайся сил и решимости для борьбы против несправедливости и за полное освобождение от рабства трудящихся масс России и всего мира. **Ф. Коносевич.**

"В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ"

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Друзья и товарищи! Едва-ли приходится много говорить о том значении, какое имело бы издание книги т. Л. Л. "В борьбе за свободу" — об анархическом движении в Америке — на русском языке.

Для издания этой книги нужно, чтобы все товарищи написали свои воспоминания о том, когда и кем в их городе или местечке была организована группа безвластников или Союз Русских Рабочих, в чем заключалась их деятельность, что издавали, каких успехов достигли и прочее. К этой работе нужно приступить сейчас, пока есть возможность, ибо никто не знает, что день грядущий нам готовит. Эта работа весьма важна и необходима. Для ее выполнения необходима кооперация всех русских анархистов США и Канады. Все материалы направлять по адресу Федерации или т. Л. Л. Слово за вами, товарищи! **И. Ч.**

Примечание Редакции: Работа, к которой призывает И. Ч., выполнена в значительной степени журналом "Дело Труда" в 1938-9 годах. См. № 100-107.

Культура и Эксплоатация

В № 72 "Русской Мысли" была напечатана статья писательницы Берберовой: "Швеция". В этой статье много возмутительного, допотопного барского. Остановимся на некоторых местах этой статьи.

"Жизнь рабочих здесь может показаться почти сказкой. Рабочий металлист получает в месяц 1,000 крон, столько же получает прокурор окружного суда, 800 крон получает профессор Упсальского университета, 500 — служащая банка после 20 лет службы, 350 — начинающая продавщица магазина (предполагается, что она живет вместе с родителями). Прислуга получает 150-200 крон в месяц на всем готовом. Она работает 8 часов (с 8 ч. до 4 ч.) и свободна два дня в неделю, когда хозяйка сама готовит и подает. Прожиточный минимум около 400 крон: 100 крон, приблизительно, стоит квартира, 150 — еда, 25% жалованья идет на налог".

Дальше госпожа Берберова страшно горюет, что Швеция "идет к беде" по линии финансовой и культурной.

"Что до линии культурной, то в стране нет **борьбы**, а раз нет борьбы, то нет и движения. Зачем быть прокурором, когда можно быть сторожем и жить так же хорошо? Зачем биться в бедности молодому писателю или композитору, художнику или ученому, когда так просто пойти в чиновники или стать мелким торговцем?"

Прав Максим Горький, что барство, как оспа, вылечивается, но следы остаются. После всего пережитого русской эмиграцией, когда работникам умственного труда пришлось заниматься тяжелым физическим трудом, люди с голубой кровью все еще не могут примириться, когда рабочему чуть легче живется, и сейчас же начинают вопить о падении культуры. По-человечески азбучно ясно, что чем труд тяжелее, опаснее и грязнее, тем лучше он должен оплачиваться.

Металлист, квалифицированный рабочий за свой тяжелый и вредный для здоровья труд, очень нужный для общества, получает столько же, сколько за ненужный труд получает прокурор окружного суда, что несправедливо: металлист должен получать больше, ибо он расходует больше энергии в единицу времени, больше устает, больше изнашивает одежды и обуви, больше нуждается в отдыхе, его жизнь короче и постоянно подвержена опасности.

Чем больше вдумываюсь в статью Берберовой, тем меньше нахожу сказочности в жизни трудящегося люда Швеции: продавщица магазина не вырабатывает даже минимума. Не всегда родители содержат ее, бывает и наоборот: она содержит родителей. При указанном Беребовой минимуме большинству трудящихся приходится трудно, чтобы одеться, обуться и удовлетворить культурные потребности. Рабочие — не скотина, а люди с разнообразнейшими запросами.

Если культура держится только на том, что одни должны зарабатывать мало, а другие много, то грош цена такой "культуре". Если писателями, художниками, ученными и т. д. люди становятся только потому, чтобы хорошо зарабатывать, то не стоит ими и быть.

Здоровый инстинкт мужика Прудона правду сказал, что певице или писателю приятнее заниматься своей профессией, чем еслибы им пришлось работать на кухне или в шахте. Культура не рухнет, если люди физического и умственного труда будут жить по человечески. Когда из науки и образования извлекается лишь личная материальная выгода и ничего больше, тогда это не культура, а эксплоатация. Нужно сетовать не на то, на что сетует г-жа Берберова, а на то, что до сих пор люди не добились равного для всех культурного минимума существования, который требует, чтобы всякий человек большой и малый, одаренный и неодаренный, должен быть сыт, одет, обут, иметь крышу над головой и возможность удовлетворить свои духовные запросы.

А. Ш.

ПАМЯТИ УМЕРШИХ

Ефим Белопол

После операции по удалению образовавшегося в головном мозгу нароста, произведенной в Дженерал Госпитале в Филадельфии, умер, 29 мая 1949 г., Ефим Белопол в возрасте около 62 лет. Покойный родился в деревне Дарьевка, Таганчевской волости, Каневкого уезда, Киевской губ. Он приехал в Америку в 1912 г.

Во время Русской Революции 1917 года Ефим Белопол примкнул к радикальной организации — к Союзу Русских Рабочих. В 1919 году он принимал активное участие в

Союзе Рабочих № 1 г. Филадельфии, в котором числилолсь до 120 членов.

После Палмеровских погромов, начавшихся в ночь на 7 ноября 1919 г., Белопол переехал в г. Нью Иорк, где прожил несколько лет и имел операцию ноги. После выздоровления вернулся опять в Филадельфию, где открыл сапожную мастерскую на собранные для этой цели деньги среди близких товарищей. Этим ремеслом он зарабатывал себе кусок хлеба почти до конца дней своих.

Покойный состоял членом Федерации Русских Рабочих Организаций США и Канади, Прогрессивного Землячества и 7-го отдела РООВА, а также принимал активное участие в кружке любителей драматического искусства, ставившего разнообразные пьесы.

Похороны состоялись 4 июня 1949 г. Тело покойного Белопола было предано земле на кладбище РОВА в Кассвиль, Н. Дж. Гроб утопал в цветах. Хоронили гражданскими похоронами. С речами выступали друзья и товарищи покойного, в том числе Гоминюк из Честера, Винслов из Нью Бронзвика и А. С. Громов из Нью Иорка, который в прочувствованном слове подчеркнул, что покойный по убеждению был безвластником-анархистом и ярым противником всякой диктатуры, как фашистской, так и большевистской.

Я. Тимощук.

Николай Битон

САН-ИГНАЦИО, Аргентина, 12-го апреля 1949 г. Уважаемый редактор! Желаю Вам от всего сердца успеха в Вашей полезной работе.

Сообщаю, что мой муж, Николай Битон, приказал долго жить. Он пролежал паралитиком 14 месяцев и я, дряхлая старуха, мне под 70, со слабым зрением, не имела времени Вам написать, чтобы Вы прекратили высылку журнала "Дело Труда-Пробуждение," так как со смертью мужа здесь, в дебрях Миссионеса, некому читать. Все наши дети — аргентинцы: они родились здесь и знают только испанский язык. Мы 36 лет в Аргентине.

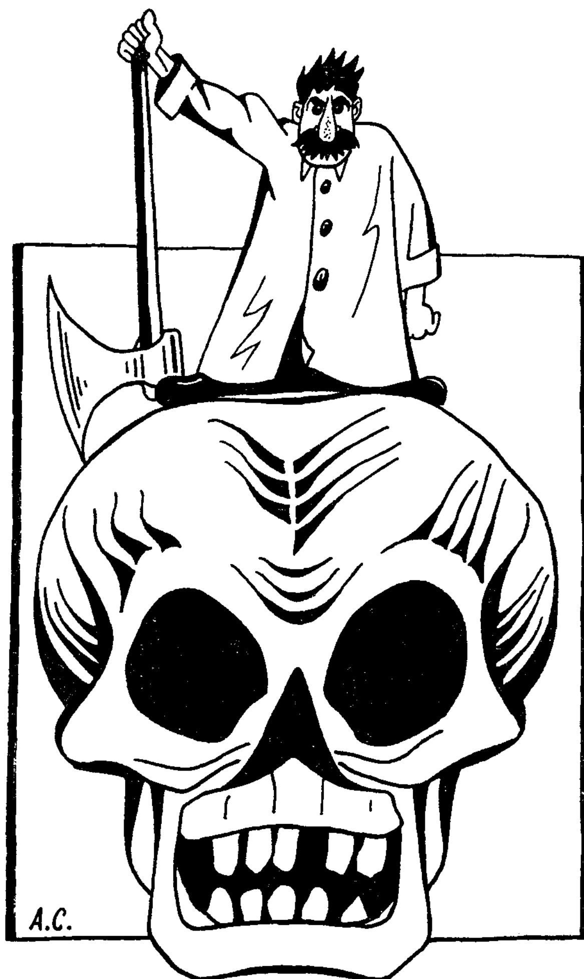
Мой покойный муж Николай Битон был толстовцем и большим поклонником идеи Бакунина и Кропоткина. Его любимая песня, которую он часто пел в последние дни своей жизни, была Гимн Анархии:

"Анархия — светоч!
Народы прославят тебя."

Пока — всего хорошего.

Уважающая Вас **Елена Битон.**

ГОЛОС НЕВОЗВРАЩЕНЦЕВ

Монумент Сталинской Эпохи

Как Большевики Освобождали Белоруссов

Здравствуйте, многоуважаемые соотечественники! Мне довелось почитать вашу литературу, а также и журнал "Дело Труда - Пробуждение (№ 22-28), который доставил мне много радости тем, что все правдиво описывает, а главное — разоблачает ложь советчиков. Со своей стороны я хочу вам рассказать, как большевики освобождали нас и "освободили" от польского террора в сентябре 1939 года. Мне 27 лет, я — сын крестьянина Пинских болот (Польша), мое образование — начальное.

Как всем известно, 1 сентября 1939 г. немцы ударили на Польшу. Наш русский народ молил Бога, чтобы наш брат с Во-

стока подал нам руку помощи. В своей массе народ верил, что под большевиками нашим братьям живется лучше, чем нам под панами. Эта вера была так сильна, что те немногие лица, которые правильно знали природу большевизма, не смели выступить с критикой его, а кто всетаки осмеливался критиковать большевизм и его порядки и говорил нам, что наша вера слепая, тому мы все плевали в глаза.

17 сентября 1939 г. наши освободители с Востока двинулись освобождать нас из польского ярма. Наш народ зашевелился, поднялся на ноги и стал разоружать разбитые польские единицы, а в городах и селах, при приближении Красной Армии, начал устраивать триумфальные ворота, украшая их венками цветов и надписями: "Да здравствует наша Освободительница — Красная Армия!" Старики встречали наших истощенных и бледных освободителей хлебом и солью, а наша молодежь засыпала их цветами в деревнях и селах. Никак не могу забыть слов одного пожилого красноармейца, который при такой торжественной встрече немножко приотстал и сказал: "Сейчас вы осыпаете нас цветами, а когда будем уходить, станете осыпать нас камнями".

Одно нас поразило: где только не останавливались отряды Красной Армии в деревнях и селах, красноармейцы ходили по нашим бедным хатам и выпрашивали хлеб и сало. Нас удивляло, что эти люди пришли без войны из богатой, свободной страны и вдруг попрошайничают в наших бедных болотистых селах. Один красноармеец сказал моему дяде: "Мы думали, что Америка далеко, а оказывается, она совсем близко".

Красноармейцы курили корешки махорки, заворачивая их в газетную бумагу, угощали и нас. Мы их спрашивали: отчего у вас лошади такие худые? Они отвечали нам: "Это лошади из колхозов". А один из них пояснил, что в России уже 10 лет холера мучит лошадей и людей. Другой красноармеец спросил нас: "Правда ли то, что польские паны вашими мужчинами пахали поля, а вашими женщинами боронили их?" Мы ответили: "нет", а другие добавили: "Может-быть, где-либо это и было, но мы этого не видели". Пожилой красноармеец отозвал в сторону одного нашего пожилого крестьянина, который рассказывал, что во время революции он бывал в Полтавщине и Херсонщине, и сказал ему, что сейчас Полтавщина и Херсонщина много беднее, чем ваше Полесье. Сказав это, он сейчас же скрылся в толпу солдат.

После этих первых встреч и разговоров мы поняли, что нам нечего ожидать от них помощи, а надо им помогать. Скоро были вывешены по селам объявления о добровольной сдаче зерна государству, кто сколько может: за все будет уплачено по той цене, по какой можно будет и купить. Многие наши крестьяне не допускали мысли, что советская власть их обманет, погнались на советские деньги и сдали все зерно, получив по 7 копеек за килограм. Потом оказалось, что в городе нужно было платить рубль за кило черного хлеба, постояв в очереди на сильном морозе. Это было в январе 1940 года.

В том же январе 1940 г. мы наблюдали большие колонны телег, окруженные конными всадниками, провожавшими их до ближайших железно-дорожных станций. Это были польские легионеры, стражники и друггие лица, со своими семьями. На станциях их грузили в товарные вагоны и выслали в Архангельск. Это была первая чистка на редкое решето. После этого "черные вороны" НКВД залетали в села и хватали по одному, по два-три человека ни за что и ни про что и увозили в неизвестном направлении.

Скоро назначили государственный план на каждого человека по заготовке дров: 30-40 кубометров на каждого человека и столько же на каждого коня вывезти распиленные дрова. К весне 1940 г. взяли на учет все, что имел каждый крестьянин: сколько кто имел рогатого скота, свиней, овец, куриц и т. д. и назначили сколько литров молока от каждой коровы должны сдать государству, сколько шерсти с овечки и сколько яиц с курицы. Летом, перед уборкой урожая, были розданы обязательства о государственных поставках зерновых, кормовых, льняных, мясных, шерстяных, денежных налогов и т. д. Простой крестьянин не мог разобраться во всех этих поборах да налогах. За невыполнение чего-нибудь из предписанных обязательств следовало строжайшее наказание — ссылка в Сибирь. Зимой 1940-41 года были изданы приказы сколько каждый крестьянин должен засеять, а поставки государству были увеличены почти в два раза. Агенты рыскали всюду и не давали возможности работать в поле. Аресты

учащались все больше и больше. Наши "освободители" освобождали нас от всего. Если сравнить наше положение, в каком мы очутились после "освобождения" нас братьями с Востока, с положением немцев в 1944-45 годах, когда они подверглись беспрерывным бомбардировкам англо-американской авиации, то оно было гораздо хуже. Тогда народ наш начал молить Бога, чтобы пришли немцы.

Очевидно немцы этого только и хотели, когда они отдали Сталину половину Польши, Литву, Латвию, Эстонию и Бессарабию: они раскрыли для советского народа другой мир, а для соседних народов показали "советский рай". И когда в июне 1941 г. немцы ударили по советам, то не только единицы, но целые полки и дивизии с командным составом стали переходить на сторону немцев, которые в своих афишах обещали порабощенным народам помочь освободиться от большевизма. Но немцы вместо того, чтобы дать оружие народу, отобрали таковое у перешедших на их сторону и загнали их за колючую проволоку на голодную смерть. Тогда обманутые, в одиночку и целыми толпами, начали вырываться из-за колючей проволоки и строить партизанские отряды, которые и повели борьбу с немцами. Последние за убийство немца стали сжигать целые деревни. Это еще больше озлобило народ и партизанщина приняла широкие размеры: она не пропускала на фронт ни одного поезда. Тогда Сталин надел на себя и на своих подручных золотые царские погоны и погнал народ на убой.

В 1944 г. я был увезен в Германию на работы. По окончании войны, в мае 1945 г., стал невозвращенцем, т. к. не захотел вернуться к Сталину в рабство. Находясь в Германии на положении "ди-пи", я в то же время переписывался с моим отцом, который в декабре 1946 года писал мне:

"Дорогой мой сынок, приезжай поскорее домой, будешь так весело жить, как и мы все живем. Мы так радостно и весело живем, как жила за Польшей графиня Дропша". . . .

"Графиня" Дропша — это была бедная нищенка. Жила она плохо, но все, что она имела, было ее; она была свободна от государственных поставок и планов и не боялась "Черного Ворона" и НКВД. А как только ее освободили из "польского ярма", то на митингах она наиболее громко клепала в ладоши. Что она получила за это? Начальник однажды, остановив ее, крепко обругал за то, что она тягается с сумками и позорит Советский Союз. Он приказал ей перестать тягаться, ибо, если встретит ее в другой раз, то он расправится с ней, как полагается в СССР. Ячейка ВКП(б) пристроила ее в бедную хатенку и дала ей 4 курицы, но приказала сдавать яйца государству. Вот какова "графиня".

В 1947 г. я эмигрировал в Бразилию, где, хотя и не нашел большого счастья, зарабатываю на жизнь, спокойно отдыхаю и не боюсь, что "Черный Ворон" НКВД прилетит и унесет меня неизвестно куда и за что. Я волен в любое время переменить свою работу и место работы, а вот в СССР этого не сделаешь.

Уважаемые издатели журнала "ДТП", правильный ваш путь, по которому ведете читателей, и правильны ваши пояснения в № 26 журнала Ивану Жоголю. Со своей стороны я советую всем таким, как Иван Жоголь, ехать в "советский рай" и желаю им счастливого пути, а там их скоро вылечат: на собственной шкуре они узнают "сталинский рай".

Ф. Литвинчук.

ЭМИГРАЦИЯ И РУССКИЙ НАРОД

Уже 30 лет народы нашей родины закованы в цепи диктатуры и 30 лет народ шлет проклятия сталинским опричникам, но близится час, который принесет нашим народам и всему человечеству свободу и справедливость. А пока рабство наших народов переполнило чашу, переливается через край, затопляя другие свободолюбивые народы Европы. Народы нашей родины гибнут в концлагерях за колючей проволокой и в застенках МВД. Правители боятся своего народа, ибо они хорошо знают, какой ценой им придется расплачиваться; они знают, что судьей будет народ и что им не избежать его страшного гнева. Поэтому большевики прилагают все усилия, чтобы держать в закабалении своих подданых, дабы они не могли подняться против режима. Но чем больше они стараются закрепить рабство, тем больше в народных массах накапливается гнева и ненависти к ним. Пробуждение нашего народа выльется в стихийный народный протест против всякого насилия.

И вот перед нами здесь, в эмиграции, стоят трудные задачи. Мы должны их раз-

решить в созвучии с нашим народом. От их решения зависит наша и его судьба. Эти задачи требуют от всех честных людей, которые любят свою родину и свободу, слиться в одно нераздельное целое для свержения ненавистного режима. Но чтобы создать это целое, необходимо согласиться, что мы будем направлять наш народ не по тому руслу, по которому шли все народы, когда они подымались против тирании, а по другому, которое избавило бы нас от повторения ошибок наших отцов и привело бы к осуществлению народного идеала. Как осуществить это? Мы должны вести пропаганду среди народа, должны разъяснять, что представляет собою государство. Мы научены ошибками наших отцов, а потому нужно вести такую пропаганду, которая требовала бы отречения от государства, ибо мы знаем, что государство есть не что иное, как эксплуататор своих подданных. Народу не нужно могущественное государство, которое ведет завоевательные войны: ему нужна свобода личности и право на жизнь.

Кто любит человечество и хочет видеть его счастливым, тот должен слиться с народом, ибо только в нем революционный дух и сила, а поэтому нужна любовь к народу, нужно отдать весь свой разум и силу для общего интереса. Мы должны пробудить народ и довести его до сознания, при котором он понял бы суть государственной системы и "диктатуры пролетариата". Мы должны помнить и не бояться того, что нас ждет. Мы своей кровью напишем новую историю. Долой национальные распри, глупый в вредный шовинизм, направленный против народов! Мы все — братья и дети природы. Кто любит истину, должен быть на нашей стороне, бороться против рабства и государственного насилия.

Несмотря на горький опыт нашего народа, сегодня мы видим, как группы эмигрантов стремятся всеми силами оправдать монархизм и ведут пропаганду за установление монархии на нашей родине. Это те люди, которые стремятся к власти и рабству. Они знают, как наш народ ненавидит государственный коммунизм, и хотят воспользоваться этим, чтобы восстановить монархию. Но нам не трудно вспомнить жизнь при монархах. Беспристрастная история говорит о королях и царях, что они угнетали народ и жестоко расправлялись со всеми жаждавшими свободы. Если эти господа верят в монархию, как святыню, а себя считают посланниками Бога, предназначившего их управлять народом, то это уже слишком старая сказка, которую никто не хочет слушать, кроме ничтожного количества уцелевших от вырождения "зубров". Пусть эти господа не стараются, народ им не поверит, он не захочет променять шило на швайку. Г-н Чухнов назовет меня в своем "Обзоре", ныне "На переломе," коммунистом и безбожником, пусть чернит, как ему хочется, но я скажу, что вряд ли ему с его приверженцами удастся убедить людей, что их режим будет лучше теперешнего. Наученные революцией 1917 г., они запомнили на всю жизнь свою ошибку и знают, что, в случае восстановления монархии, что трудно представить, монархисты, по примеру большевиков, будут также жестоко расправляться со свободой, правами и людьми. Не пора ли всем нам, эмигрантам, показать себя стойкими противниками всякого тоталитаризма? Конечно, пора, но как это сделать, когда борьба с тоталитаризмом понимается как борьба за власть данной партии или группы? Власти, власти всем хочется, управлять и приказывать да выжимать соки из подвластных. Вот это и не приводит к взаимному пониманию, к единству. Так неужели мы с вами враги большевизма только из-за портфеля, который находится в руках большевиков?

Многие располагают на иностранную помощь, которая поможет уничтожить большевистский режим. Да, совершенно справедливо, что без помощи "дядюшки" мы слабы, но не надо забывать и того, что это помощь будет дорого стоить нашему народу. Разве сегодня кому жарко или холодно оттого, что наши народы стонут в "совраю"? Никому не жаль наших людей. Пусть Политбюро уничтожит еще 50 миллионов своих подданных и никто за них не заступится. "Дядюшки" заботятся только о себе. И еслибы они знали, что Сталин не тронет их, то им наплевать: пусть вся Россия умрет в концлагере. А вот еслибы мы не боролись за министерские портфели и положили бы силы на объединение антибольшевиков, то мы, пожалуй, находились бы в лучших условиях и чувствовали бы свою силу.

Русский и все другие народы от нас ждут братской руки, надеются, что мы первые протянем свою руку, а мы сидим,

ссоримся и надеемся на кого-то. Монархисты назовут меня первым, кто не хочет придти к соглашению, но я скажу, что тут надо искать выхода не в монархии, а в чем-то другом. Еслибы спросить всех "ди-пи" кто чего желает после государственного коммунизма, то мы убедились бы, что не монархии хотят, а чего-то другого, что осуществило бы идеал народа. Конечно, некоторые согласились бы принять и монархию, лишь бы не большевизм, но не в этом дело, а в том, что народ сам в состоянии осчастливить себя, если дать ему свободу, ибо он всегда подымался против притеснения и эксплоатации, и не на то он делал революцию, чтобы опять придти к монархии или к "демократическому" капитализму. **М.**

Две системы и "ди-пи"

Многоуважаемый т .редактор! Искренно признаюсь, что первое знакомство с Вашим журналом "Дело Труда-Пробуждение" было для меня приятным и счастливым открытием. Я давно искал сближения с каким-либо печатным органом анархистической мысли и только теперь представился случай, которому я искренно рад.

За всю свою 38-летнюю жизнь мне пришлось быть свидетелем трех государственных систем. О царском самодержавии я больше знаю из рассказов своих родителей. Что касается советского режима, то, на основании собственного опыта, я нахожу его наиболее модерным, жестоким и бездушным проявлением государственности: методы насилия, лжи, демагогии и эксплоатации, свойственные системе большевизма, не имеют прецендентов во всей истории человечества. Довольно точной копией этого чудовища, его близнецов, является немецкий фашизм, лишивший меня половины здоровья и веры в жизнь.

Последовавшее за тем 4-летнее пребывание в лагерях "ди-пи" не сделало из меня оптимиста: лишний раз я убедился, что и здесь положение вещей далеко от идеального. Но все же этот мир со своей относительно большей свободой вне всякого сравнения с чудовищами большевизма и фашизма. Из двух зол: либо жестокая смерть от палачей Сталина, либо длительные, изматывающие эксперементы в лагерях "ди-пи," я выбрал последнее.

Глубина трагедии не только "ди-пи," но и всего современного мира заключается в непримиримой чудовищности конфликта между двумя системами: тоталитарно-государственным капитализмом, представляемым современной Россией, ошибочно или умышленно называемой "коммунистической," и ее буржуазно-демократическими антиподами. Ничего нового в этом нет: старая, как мир, история кровопусканий и взаимопожираний в борьбе за господство. Новизна конфликта заключается лишь в его характере, более бесчеловечном и жестоком, чем все бывшие, более грандиозном и угрожающим человечеству, а, следовательно, более преступном. Будущая атомная война со всеми ее предвидимыми ужасами, о которых нам протрещали уши, служит прекрасным аттестатом нравственности для тех, кто ее задумал и готовит в сибирских или канадских лесах. Спаршивается: во имя каких святых принципов задумано это преступление и кто несет перед человечеством ответственность за его последствия?

Одни говорят, что во имя защиты идеалов прогресса будут уничтожать материк Америки, а другие — во имя защиты цивилзации обещают уничтожить восточную Европу. Решать вопрос, кто в этом споре имеет больше нравственных оснований уничтожить тот или иной материк, столь же излишне, сколь бесполезно .В актах массового убийства и уничтожения народов нет нравственной монополии. В нашем духовно и материально обанкротившимся мире нет таких абсолютных ценностей, которыми можно было бы оправдать любое злодейство, задуманное в правящих кругах. Поэтому те, которые думают, что они имеют исключительное право уничтожить Лондон, Нью Иорк и Вашингтон, ошибаются столь же жестоко, как и те, которые считают себя в праве уничтожить Киев, Одессу, Москву и Харьков. Этической основой этой борьбы, продолжающейся тысячелетия, является эгоизм — наций, государств, партий, классов, религий и т. д. с их тысячелетним порядком вещей, в котором неизменно живет и страдает мир.

Пока существуют государства и границы, пока существует нетрудовая собственность, классы и социальная диференциация, пока существует национальная и религиозная рознь, пока существует кровавая и бескровная борьба партий за господство, до тех пор будут войны и социальные бедствия, от которых тысячелетия хочет, но не может, освободиться человечество. Найдется ли сила, способная спасти его, покажет будущее.

*

В лагерях "ди-пи" представлена в миниатюре трагедия всего мира: национальная и религиозная ненависть, интенсивно культивируемая жрецами политики и религии, взаимная травля, доносы, интриги, провокации и социальная дифференциация, делящая "ди-пи" на привилегированных и бесправных. Отсюда — злоупотребления, организованный грабеж со стороны администрации и разврат.

Большинство "ди-пи" — это честные труженики, терроризированные опричниками Сталина, но среди них встречаются типы сомнительной репутации и попадаются бывшие сотрудники Гестапо и НКВД в качестве провокаторов и сексотов. Развит узкий, звериный шовинизм — русский, украинский, польский и т. д., умышленно культивируемый дегенератами и провокаторами этих группировок. Встречаются хамелионы, которые превращаются то в советских, то в польских, то в украинских, то в русских, то в немецких патриотов. Встречаются типы, которые примыкают к той или иной партии в силу известных соображений. Ведется позорная междупартийная борьба, в которой не обходится без взаимных пакостей и подлостей, а по линии церковной — та же борьба и травля. Во главе этого безобразия стоят распоясавшиеся попы.

Общую массу "ди-пи," раздираемую внутренними паразитами, авантюристами, негодяями и шарлатанами и лишенную подлинного покровительства, можно представить себе, как людей, жестоко выброшенных за борт жизни, предоставленных воле слепого случая, без перспектив и надежд на будущее .Почти 4-летнее пребывание в лагерях превратило этих людей в нравственных уродов и калек. Их вербуют на работы в Австралию, Канаду, Венецу-

элу и т. д. не как людей, пострадавших от войны и большевицкого абсолютизма, а как рабочую скотинку. При вербовке в Англию берут мужчин не менее 65-68 кило весом. Их не интересует, что эти люди пережили. В одни места берут только одиноких, в другие — только мужчин, в третьи — только женщин. Там требуются с детьми, а там — без детей.

Питание и санитарные условия в лагерях отвратительны. Живут чрезвычайно скучено. В этих людских муравейниках процветают склоки и зоологическая ненависть. Среди "ди-пи" много туберкулезных, процент которых прогрессивно возрастает. Люди старшего возраста, составляющие основу подлинно-политической эмиграции, но не имеющие здоровья и мышц, лишены надежд на снисхождение: им ворота закрыты...

Среди "ди-пи" есть работающие у немцев и американцев, но, как это ни странно, эти несчастные за свой тяжелый труд должны платить ежемесячно 70 марок налога в фонд восстановления Германии. Зарабатывающие 100 или 300 марок в месяц платят одинаково — 70 марок налога. Где справедливость? И с какой стати "ди-пи," потерпевшие от немцев и лишенные гарантии на существование, должны платить за восстановление Германии? Чьи мозги придумали еще это издевательство?... **М. Бартыенко.**

КООПЕРАЦИЯ В РОССИИ

Уважаемый И. П., прочитала "Юбилейный Сборник" Детройтского кооператива. В СССР нет кооперации, а есть обдираловка, т.е. "кооперативы" по выкачиванию денег из населения. Там назначают завов кооператива, выборов нет, существует фикция: назначают кандидата и попробуй не поднять руки! За все мои 25 лет я никого не выбирала и не было коопсобраний. Собраний бывает много, но только не кооперативные. Скажем, через 6 месяцев Ревизионная Комиссия ревизирует кооператив и обнаруживает растрату в 10-20 тысяч рублей. Зава сажают в тюрьму, а членам кооператива объявляют через 4-5 месяцев, что они должны выплачивать новый пай. Всю дрянь, которую никто не покупает, отправляют в кооперативы: например, вам нужно мыло, но вам его не дадут, если вы не возьмете зубного порошка, шпилек, ячменного кофе с прочим барахлом. Когда я приезжала к сестре на Кавказ (Ставрополь), у нее весь поставец был завален зубными порошками и прочей дрянью. В советском "рае" кампания идет за кампанией: вы приходите в лавку покупать, а вам дают подписной лист и требуют подписаться, т.е. внести "пожертвование" в пользу Асовиахима, Мопра, Авиации, Матери, бастующих рабочих Америки, испанским детям, жертвам фашизма или нацизма и т. д.; если вы жертвуете 1 р., то "культурный массовик," находящийся при кооперативе и оплачиваемый им, начинает вас "обрабатывать" и попробуйте не прибавить! НКВД все знает и попадать в список нелояльных страшно для каждого. Если в кооператив привезут что-нибудь хорошее — мануфактуру, которая и раз в год туда не попадает, то на другой день ее уже нет: вечером ее разобрали **суслики,** т.е. председатель, парторг, комсорг и прочая нечисть со своими гадами и прихлебателями. К примеру, мануфактуры было прислано по метру на дом, а руководящие товарищи взяли себе по 20 метров и прочим ничего не осталось. Народ, в основном, забитый, не разбираясь кто виноват в этом, клянет и ненавидит кооператив, говоря, что он сосет из них кровь, как и вся совласть. Кооператив в СССР — это одно из щупальцев советской власти. Советская кооперация это операция себе в карман: головке коммунистов.

Большое Вам спасибо за Юбилейный журнал РООВА, который просмотрела. Что бросается в глаза — это солидность всех: откормленные. Еслибы Вам попались фотографии "счастливых" граждан СССР, Вы были бы удивлены их худобой. Как мне надоело голодать. Если приеду в Америку, то в первую очередь постараюсь поесть. В СССР кричат о социализме, но, читая роовский Сборник, прихожу к выводу, что в РООВА больше социализма, чем в "стране социализма."

28-11-48, Мюнхен. **А.П.**

ОТВЕТ ДУХОБОРЦАМ

От редакции: Приводим в сокращении письмо, направленное Н. Д. Лебедеву для помещения в духоборческой "Искре," в котором автор писал:

Как-то под пасху в Москве, после антирелигиозного доклада, из публики был задан вопрос: кто такие молокане и духоборцы и какая между ними разница? Докладчик ответил приблизительно так: те и другие — изменники своего народа, скрывающиеся под религиозной оболочкой "не убий" и нежелающие с оружием в руках защищать свою родину. Многие из них еще при царизме покинули пределы России и живут заграницеей...

О письмах из России. Письмо написано родственником верно, но под диктовку второго лица. До 1929 г. я свободно переписывалась с двоюродным братом, проживающим в Персии. Вдруг меня вызвали в НКВД и говорят:

— Это ваше письмо?

— Да, — отвечаю.

— Цензура его вернула нам. Садитесь и пишите.

Энкаведист делает выборку из моего письма и добавляет от себя то, что находит нужным, а я пишу. В заключение он добавил:

— Итак, вам понятно, в каком духе надо писать? Надеюсь, больше сора из дома не будете выносить. До свиданья.

Если, судя по письму, в России все механизировано, — (огороды, как правило, а иногда и поля, вскапываются лопатами), — живут сытно (достаточно вспомнить голод 1933 г.) и свободно (не менее 20 млн. сидят в концлагерях, а кто на воле — не могут открыть рта), то почему больше миллиона людей, воспользовавшись войной, бежали на чужбину? Разве каждому нормальному человеку не было ясно, что, оставляя родину и дом, он будет влачить жалкое существование. Разве бегут от хорошего? Мы бежали так же, как и вы, не от нашего народа, а от власти.

Обязательно пошлите делегатов в СССР с наказом, чтобы они побывали в бывших своих селах и повидали своих родственников. Если же они доверятся тем, которые будут водить их, то для очковтирательства им покажут образцовые колхозы, заводы, школы и т. д., а для вас создадут специально — духоборческую общину, как некогда Потемкин создавал деревни для Екатерины Второй.

Все пожертвования, собранные заграницей для вдов и сирот в СССР, в том числе и среди вас, не попадут им, они и не узнают о них, так как эти

деньги идут на пропаганду и восхваления нынешних рабовладельцев России. Уверена, что ваши делегаты увидят разницу между властью и народом и, может быть, тогда вы отнесетесь к нам более по-христиански. **А.З.**

Что же дальше?

Много надежд возлагали бездомные "сидельцы" на лето и осень, как на лучшее время выезда; для многих эти надежды реализовались полностью. Наши ряды немного поредели: люди уехали в Южную Америку и в Канаду. В частности, лишь 28 ноября прошлого года уехало в Аргентину свыше 100 человек из лагеря Куфштайн. Стоит ли писать о том, что стоил такой отъезд этим людям: сколько было взлетов и разочарований, надежд и отчаяний, комиссий и опросов у консулов, в ИРО и проч. Однако, люди преодолели все и с помощью ИРО теперь перекочевывают через океан.

Но особенно тяжело стало перемещенным, живущим приватно по комнатушкам, в развалинах, по деревенским гостиницам и т. д. Если Ди-Пи из лагеря, осевшие там с окончания войны, сейчас перешли под опеку ИРО и получают бесплатное питание, жилище, отопление и освещение, то "приватники" Ди-Пи не получают никакой помощи от ИРО, хотя тоже считаются ее подопечными; за каждый шаг, за каждый грамм продуктов они должны платить, не имея работы и службы, т.к. у австрийцев можно получить только тяжелые земляные работы или разборку разрушенных зданий.

ИРО свертывает свои лагери и отказывает "приватникам," устремившимся, из за тяжелой жизни, сотнями в лагери. Прием возможен лишь в "особо-исключительных" случаях. Но за счет новых беженцев от коммунистических правительств Венгрии и Чехословакии лагери не поредели, но, наоборот, разбухли.

Порядки в ИРО вообще очень страшные, так, например, в местной газете "Тиролер Нахрихтен" от 8 октября 48 г. было официально объявлено, что все прошения Ди-Пи о помощи старикам, больным, инвалидам и нуждающимся оставляются без последствий, ввиду отсутствия средств у ИРО! Однако, в нашем управлении ИРО сидит чуть ли не полсотни человек, которые не столько работают, сколько создают безтолковщину и пожирают средства, отпущенные непосредственно беженцам. И еще одна вопиющая странность: рядом с нами во французской зоне Германии все "приватники" полностью получают тот рацион и то снабжение, которое определено лагерникам этой зоны. Почему же нам его нет? Ведь мы выбиваемся из последних сил, чтобы как нибудь жить; четвертый год мы ни на чьей шее не сидим: ни на УНРРОвской, ни на Ировской, а просим лишь теперь некоторой помощи от ИРО, как и другим беженцам, сидящим в лагерях. Кто же и где поставит наши больные вопросы в Америке?

Нас глубоко потрясает какое-то исклюиительно формальное отношение разных комиссий по отбору беженцев: отбирают лишь безукоризненно здоровых, забывая, что мы эти годы не на курортах жили и не на усиленном питании, а после ужаснейших потрясений за время войны и изнурительной работы у немцев, боремся и сейчас за ничтожные граммы, за право зацепиться за Запад, а не быть выданными на Восток. Этот крик души почему-то тоже игнорируется.

С напряженным вниманием мы следили за принятием закона в Американском Конгрессе о допуске Ди-Пи в США. И вот закон принят. В нашей зоне пока нет никакого движения, в американской зоне Австрии (Зальцбург) у американского консула получают предварительные опросные листы на право въезда в США. Читал этот опросный лист и автор этой статьи. Увы, надежд на въезд мало, т.к. в листе спрашивается: есть ли у меня родственники в США, ценное имущество и др. возможности; кроме того, нужны поручители и пр. Легче, видимо, верблюду пролезть в игольное ушко, чем "нормальному" Ди-Пи попасть в США.

Нас здесь, лагерников и "приватников," несколько десятков тысяч. Что же нам делать и как жить дальше? Стиснув зубы и подтянув пояса, снова ждать более справедливого отношения к нам и неустанно будоражить общественное мнение?

Видимо, только это и остается.

Ф. Герасимов.

Охотники за черепами

В октябре 1947 г. из Франкфурта-на-Одере (советская зона оккупации) бежали в английскую зону трое молодых матросов речного пароходства. Причина та же, что и у большинства — нежелание быть рабами.

Бежавшие устроились на работу в немецком предприятии. Один из матросов по своей глупости и наивности написал во Франкфурт письмо знакомой немке и указал свой адрес. Эта девушка, как выяснилось позже, была уже арестована в то время, как заложница, и полученное на ее имя письмо попало в руки агентов НКВД, которые заставили ее написать под их диктовку письмо этому матросу, что она живет хорошо и собирается навестить его.

Через некоторое время НКВД вызвал подругу арестованной М., завербованную на службу НКВД под угрозой отобрать от нее ее 5-летнего сына, и приказал ей поехать в город английской зоны, где жили матросы, чтобы заманить их на советскую территорию.

Явившись по адресу матроса, М. сказала ему, что его девушка, шедшая вместе с нею к нему, на границе заболела и просит его придти за нею. Матрос, ничего не подозревая, отправился вместе с М. на границу и попал в руки НКВД. После побоев и пыток НКВД дал ему 25 лет каторжных работ.

Затем НКВД вновь послал М. за оставшимися матросами, но последние, почуяв недоброе, передали ее в руки английской полиции. М. сначала упорно отрицала, а позже созналась, что она—агент НКВД с 1946 г. и занималась ловлей людей. За голову матроса она получила 50 фунтов ржаной муки, 20 ф. гороха, 4 ф. мяса, 1 ф. сала и 3 брикета угля.

Терский.

БЕДЕНДОРФ, Австрия. — В редакцию журнала "ДТП." Ваш журнал — это солнечный луч, проникающий в тьму нашей безрадостной жизни и навевающий грезу о другой жизни, о которой мечтают и борятся миллионы таких же насчастных страдальцев, как и мы. Временами кажется, что душевные и физические силы совершенно откажутся служить, но достаточно голоса бодрости, как снова воспрянешь духом, подшпоришь ослабевшее от полуголодного питания тело и снова несешь свой крест дальше. Голод и холод постоянно угрожают нам. **П.К.И.**

ПИСЬМА РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ

ТИРОЛЬ, Австрия. — М. Г. Случайно попал мне в руки ваш журнал, который произвел на меня очень сильное впечатление. В нем я нашел впервые столь ярко и выпукло выраженные мои собственные мысли. Хотя я в свое время кончил в Праге философский факультет, много путешествовал и занимался самообразованием, но в итоге ни в одном религиозном или политическом течении не нашел того, чего искал. Все это, грубо говоря, — "лавочки," т.к. везде подавляется личность, человеческое "я" и его свобода. Разница лишь в степени этого подавления и в его форме.

Будучи мальчишкой, я бежал в 1918 г. из Белоруссии на Кубань и поступил добровольцем в армию Деникина, в рядах которой воевал юнкером до 1920 г., затем три зимы сидел в галлиполийских лагерях. Но, правду говоря, и там было много плохого и лавочного, иначе мы бы не очутились в изгнании. Эмигрантские "зубры" из Сербии мне столь же чужды, сколь неприемлем большевицкий государственный монополизм с его террором. Одно время я увлекался православием, но евангельский дух давно испарился из него; высох и белок и желток, осталась одна скорлупа обрядности и грызущиеся между собою жрецы. Признаюсь, никогда не читал ни Кропоткина, ни Бакунина. Очень был бы благодарен за их книги и 1 экз. "ДТП."

Я прослужил 7 лет на юге Марокко и 5 лет в самой Франции. Работал отлично, но кончилось печально. Моя судьба — яркая иллюстрация бесправия среднего обывателя в современном государстве, в особенности бесподданного. В 1941 г. во Франции со мной очень грубо обошелся жандарм. Вдобавок к незаслуженной грубости я получил 15 дней условного заключения и, как иностранец, бывший под судом, подлежал автоматической высылке. Так как шла война, то выслать было некуда и я был заключен в концлагерь, где в ужасных условиях (огромная смертность) провел 16 длинных месяцев вплоть до отъезда в Германию на работу. Когда, после войны, в Австрию пришли французы, то они (французские власти), придравшись к случаю "грубости" с моей стороны, посадили меня здесь в штрафной лагерь, из которого недавно выпустили бывших эсэсовцев, где условия жизни гораздо хуже, чем в обычных лагерях "ди-пи." Моего имени прошу не опубликовывать. Я — инвалид, недавно перенес тяжелую операцию. Во время войны потерял буквально все, даже жену, осталась сиротой дочь, которой теперь 13 лет. Еслибы Вы смогли помочь мне продовольствием, теплой одеждой и обувью, то сделали бы огромное дело... **Человек.**

КРИФ, Англия. — Уважаемая редакция "ДТИ." Мы получили № 24 и 25, уважаемого журнала "Дело Труда-Пробуждение," которые с жадностью прочитали и за которые очень Вам благодарны. Убедительно просим Вас возобновить высылку журнала. Деньги у нас есть, мы их заработали тяжелым трудом, но переслать Вам не можем, т.к. почта не принимает для пересылки в Америку. А журнал "ДТП" нашим труженикам очень понравился, потому что в нем описывается сущая правда про "советский рай," который мы испытали на собственной шкуре, но, слава Богу, вырвались. Пережили много ужасов, но теперь живем хорошо, а по сравнению с "советским раем" — очень хорошо материально, а самое главное — уже не прислушиваемся, не летит ли "Черный Ворон," закрытая машина НКВД. Еще раз просим не отказать в нашей просьбе. **Группа Русских Скитальцев.**

ЭЛИ, Англия. — Дорогие товарищи! Мы получили от вас пачку журналов и две пачки книг. Очень вам благодарны за все. Ведь мы 30 лет жили под игом ленинско-сталинской диктатуры, за железным занавесом, отрезанные от общения с остальным миром, и, как умели, боролись с большевицким произволом. Красные вампиры жестоко расправлялись с нами и замучили миллионы борцов за свободу. Я провел в заключении половину своей жизни. Сидел в московской и ахтырской тюрьме 7 лет — с 1927 по 1934 г., видел и пережил много ужасов. С 1934 года был перевезен из тюрьмы в Мурманск, в концлагерь, где от непосильной работы и мора умерли сотни наших товарищей. В 1941 г., когда началась война, из нас, каторжан, образовали особый военный отдел, объявленный вне закона, и погнали на стройку военных укреплений возле Ленинграда, где нас немилосердно уничтожали. Только во время бомбардировки, производимой немецкой авиацией в отчаянии можно было рискнуть на побег, т.к. охранявшие нас военные стрелки скрывались, оставляя нас под градом взрывов немецких бомб. Некоторым единицам посчастливилось спасти свою жизнь. Кремлевские палачи закрывали нам все время глаза траурным полотнищем. Только теперь мы узнали, что по всему свету у нас имеются друзья, с которыми мы отдадим свою жизнь за построение справедливого человеческого общества, без эксплуатации и угнетения человека человеком. Мы посвящаем нашу жизнь на борьбу за хлеб и волю для всех угнетенных, за уничтожение привилегий эксплуататоров и за установление политического и экономического равенства. Объединимся же крепко, труженики всего мира, за дело труда! Еще раз большая вам благодарность за журнал и книги, которые переходят из рук в руки и читаются с большим вниманием нашими невольными скитальцами. Привет вам от всех. **Т.Ф.**

ШТУТГАРТ, Германия. — Уважаемый господин Редактор! Недавно имел удовольствие познакомиться с Вашим прекрасным журналом. Здесь я прозябаю и хотел бы выехать в США, где мог бы быть полезен обществу и себе. Поэтому моя просьба получить от кого-либо афидэйвит на въезд в США, за что был бы глубоко признателен. По приезде я смог бы работать и не быть никому в тягость. **Доктор.**

Многоуважаемый господин Черный! Большое Вам спасибо за пакет книг, газет и журналов от меня и от несчастных русских беженцев, томящихся в концлагерях Италии и на острове Липари. Журналы я прочитал с величайшим наслаждением. Особенно мне понравился Юбилейный Сборник Кооперативного Общества. Хорошо было бы распространить его по всем лагерям "ди-пи," он может научить многому хорошему и чтение его поддерживает наше моральное состояние. Описание сталинских достижений в газете "Рус. Обозрение" у меня вызвало тошноту, но ее изгладила замечательная статья Ф. Мансветова "Рука дающего не оскудеет." Еще раз сердечно благодарю Вас. **А.В.С.**

ФРАНКФУРТ, Германия. — Дорогие друзья, получил посланные вами "НРС," "ДТП" и "Се-

ятель." Сердечное спасибо. "Дело Труда-Пробуждение" — журнал интересный и серьезный. И как это наши русские люди на чужбине умудряются делать все так хорошо! Чем хорош журнал? — Обилием фактического, интересного материала. Нет сомнения, что он приносит большую пользу в борьбе с большевизмом. Я давал его читать некоторым знакомым и большинство было того же мнения, что и я. Конечно, встречались возражения, но только идеологического порядка, например, со стороны "солидаристов." Лично я не принадлежу ни к какой политической партии. "Сеятель" слабее "ДТП." Нас, новых эмигрантов, несколько обидела заметка "Гость из Европы" в № 38 "Сеятеля." Заявление г. Ролика-Садовского, что у подсоветских людей убито "всякое нравственное начало" — безответственна. Русский народ всегда оказывал большевизму сопротивление и, вопреки большевизму, он сохранил в себе много хорошего. Приведу маленький пример: в 1943 г. немцы привезли в лагерь Вартвек 158 русских девушек-рабынь в возрасте 18-25 лет; на медицинской комиссии выяснилось, что 92% из них — девушки! Немецкие врачи были потрясены и не верили глазам своим. Безответственные заявления принесут не пользу, а вред вашему движению. ("Сеятель" не является органом нашего движения и ни в какой мере не отражает его. — Редакция.) Я вам очень признателен за внимание. Это лишнее доказательство моей глубокой веры в наш удивительный, сплоченный и отзывчивый народ. Верю я еще и в то, что такой народ не может быть раздавлен сапогом сумасшедшего диктатора. Последний раз я проходил мимо Музея Кропоткина весной 1941 г. (после ссылки). Не знаю, был ли он закрыт, но доски "Музей П. А. Кропоткина" на фронтоне здания уже не было. В начале 30-х годов вход в музей был свободный. Многие из моих знакомых там были, но я тогда был очень юн (15 лет) и в таком возрасте мало интересовался "политикой." **С.С.**

*

Уважаемые товарищи, спасибо вам за вещевую посылку, полученную от т. Еленского. Особенно на чужбине дорога товарищеская солидарность, ибо не так сильно чувствуется одиночество. В 1945 г. по приходе американской армии в Баварию я, в числе многих других, находился в Нюренберге, работал на паровозном заводе. Всех остовцев свезли со всех лагерей в эсэсовские казармы. С нами там жили румыны, югославы, греки, итальянцы и другие национальности — всего до 15,000 человек. Вскоре в казарму начали приезжать сталинские посланцы для репатриации людей на родину. Я и еще два товарища подняли акцию против репатриации. Началась борьба с советским штабом. Американское командование тогда в нашей национальной игре слов не разбиралось и дало приказ украинцев насильно не репатриировать, а только русских, считая, что между галичанами и восточниками территориальной разницы нет. Учтя этот приказ, мы, трое, и организовали Украинский Комитет и тем самым спасли несколько тысяч русских людей от насильственной репатриации. Советский штаб прекрасно знал, кто возглавляет Украинский Комитет и кого он регистрирует. Он повел на нас бешеную травлю: он четыре раза провоцировал отдельных амер. чиновников и новых комендантов лагеря и ставил наш большой коллектив под реальную угрозу репатриации. Доходило до того, что матери бросали под транспортные машины своих детей, а мужчины не расставались с ножами, чтобы в последнюю минуту перерезать себе вены. Эта борьба продолжалась 6 месяцев. Люди прятались в подвалах, на чердаках, уходили в лес, ожидая роковой развязки. Наша акция невозвращенства нашла живой отклик среди румын, поляков, югославов, целые партии которых тоже начали отказываться ехать на родину, а со стороны французов и итальянцев вызвала к нам горячую симпатию. В общем ни одного человека из зарегистрированных у нас Комитет не дал на расправу сталинцам. Тогда совштаб переменил тактику, перенеся свои атаки на Комитет. Заручившись согласием губернатора, он арестовал меня по обвинению в пропаганде против союзников и в распространении власовского манифеста. Благодаря заступничеству шефов польского, французского, итальянского комитетов и американского коменданта, арест сорвался. Тогда совштабные бандиты решили умкнуть меня из казармы через окно. Но своевременное патрулирование польской и американской охраны в эту ночь затею их провалило. После этого меня и дочь моего товарища по Комитету, работавшую у нас переводчицей, однажды на окраине города, возле леса, остановили две советских машины, в которые сталинцы пытались силой усадить нас. Но и на этот раз судьба оказалась милостивой: солдаты-негры из ближайшего лагеря нас отбили, т.е. не дали увезти. В это время в дипломатических кругах союзников началось градирование между украинцами западными и восточными и выдача людей на расправу отечественных палачей была узаконена датою 30 сентября 1939 г.: те, которые покинулы СССР до этой даты, имеют право на жизнь, а кто покинул СССР после нее, — подлежит сталинской ликвидации, как советский подданный. Кто был творцом этого закона, благодаря которому погибло множество подданных Сталина, не известно.

После оформления этой даты — 30 сентября 1939 г. — сталинские представители стали разъезжать по лагерям, рыться в регистрационных карточках и выискивать свои жертвы. По этой причине нам пришлось отказаться от самих себя, переменить родину и разъехаться по разным лагерям. Произошла метаморфоза. Но покоя нет, хотя следы и заметены. Лагери "ди-пи" наводнены сталинскими лягавыми и не исключена возможность, что получишь из-за угла нож в спину или пулю, что у нас уже случалось, тем более, что я сотрудничаю в русской прессе и, как мне известно, на "той стороне" заинтересованы в моих псевдонимах. Здоровье мое, как и полагается быть здоровью человека, прожившего в СССР 26 лет: легкие, сердце, желудок потревожены, а америкаские медицинские комиссии требуют крепких мускулов и цветущего здоровья. Повидимому, они настолько тупые, что не понимают, что человек, проживший долгие годы в сталинской экспериментальной лаборатории, два года в остовском невольничьем лагере и три года в физической и духовной атрофии лагерей УНРРА и ИРО, никак не может быть здоровым и отвечать требованиям американских эскулапов.

В прошлом мы проводили голодовку против ареста русских "ди-пи" в Италии, протест против насильственной репатриации "ди-пи," день траура в годовщину платнигской трагедии и т. д. **Н.В.М.**

ЭЛЬВАНГЕН, Германия. — Уважаемые соотечественники! Сердечное вам спасибо за газеты, журналы и книги, которые мы читаем с боль-

шим интересом и в которых находим много для нас совершенно нового. На книги установлена очередь, их читает весь лагерь. Установлена очередь и на журнал. Многие просят книгу Кропоткина "Взаимная Помощь." Не откажите прислать. **М.О.**

БЕДБУРХ-ХАУ, Германия. — В редакцию журнала "Д. Т. П." От имени читателей Русско-Украинской Библиотеки приношу Вам сердечную благодарность за присланные Вами книги, которые являются ценным вкладом в фонд нашей библиотеки, которая обслуживает "ди-пи" и никаких коммерческих целей не преследует. Наша библиотека была организована в прошлом году, благодаря помощи из за океана. Ваши книги — ценный для нас подарок. Еще раз сердечное спасибо. Если у Вас есть том I воспоминаний Н. И. Махно, пожалуйста, пришлите, т.к. читатели интересуются и первым томом. Может-быть, читатели журнала "ДТП" имеют старые, ненужные им, книги. У нас есть хорошая переплетная мастерская и мы реализуем и старые книги. Всякий дар принимаем с благодарностью. **А.С.**

От Редакции: Тома I записок Махно у нас нет и нет его на рынке.

ДЕЙЗЕНГОФЕН, Германия. — В редкацию журнала "Дело Труда-Пробуждение." Сердечно благодарим Вас за присылку духовной пищи — Вашего журнала, который читаем с удовольствием. № 26 "ДТП" пошел по рукам с пометкой: "Прочитай и другому передай." Присланные Вами 5 экземпляров распределены так: два экземпляра дал в один лагерь, два — в другой и один остался в нашем; в первом лагере — 125 человек, во втором — 150 и в третьем — 60 человек. Живем бедно. Кое-кто из нас работает, но большинство — безработные, которых насчитывается в Баварии до 350,000 человек. Мы с удовольствием послали бы подписную плату на журнал, но лишены этой возможности. Если у Вас есть литература, осмеливаемся просить прислать нам. Будем Вам очень благодарны. Привет Вам от всей нашей колонии и наилучшее процветание Вашему журналу. **П.В.**

МЕЛЬБУРН, Англия. — Многоуважаемая редакция 'Д. Т. П." Прошу извинить меня, что беспокою Вас своим письмом. Я — совершенно незнакомый Вам человек, один из тех, которым посчастливилось вырваться из сталинского "рая." Более месяца, как я подписал годовой контракт и работаю сейчас в Англии. Если возможно с Вашей стороны, очень прошу оказать мне духовную помощь присылкой журнала и хотя бы некоторых книг. Желаю Вам здоровья, счастья и успехов.**И.С.**

ГРИФ, Англия. — В редакцию журнала "ДТП." От группы русских и украинцев, прибывших в октябре 1947 г. на работы в Англию, выражаем вам глубокую благодарность за то счастье, которое мы испытали от чтения журнала "Дело Труда-Пробуждение." Все мы очень довольны вашим журналом и воодушевлены чувством борьбы за справедливость и свободу. Мы, изгнанники и потерявшие родину, пережившие все тяжести, преследования и жестокости большевицкого абсолютизма, имеем в лице журнала "ДТП" моральную помощь и защиту порабощенных народов России, а в лице руководителей журнала мы находим горячих и верных борцов со всяким злом и несправедливостью. За все это, за ваши труды и любовь к ближним, мы выражаем вам нашу горячую признательность. А теперь просим сообщить нам, каким путем можно выписать ваш журнал и литературу и как переслать вам деньги—стерлинги, т.к. долларов у нас нет. Мы хотим приобрести вашу литературу и журнал потому, что он пишет сущую правду. Когда читаешь ваш журнал, то он подтверждает то, что мы перенесли на своих плечах, что испытали на своей шкуре в России, стонущей под игом большевизма. Все пережитые нами ужасы мы хотели бы передать баптистам, молоканам, толстовцам и духоборам, которых, как видно из журнала, обманывают агенты Сталина в Америке. Очень жаль, что эти люди и до сих пор не обнаружили ловкого обмана. **Н.С.Ч.**

ВИЛЛАХ, Австрия. — Уважаемый Ф. И., в 20-х числах октября наша группа выезжает в Аргентину. Книжки, почти все, и журнал "ДТП" передал в библиотеку русской гимназии. Все более-менее подходящие люди для распространения журнала частью выехали, а другие выезжают. После № 26-го буду просить Вас продолжать высылать мне в Аргентину. Адрес сообщу по приезде. **Врач.**

МЮНХЕН, Германия. — Уважаемый И. П. Ч.! Прочла любезно присланный Вами "Русский Вестник," из которого видно, что у Вас, в Америке, — сплошные банкеты, конференции, пикники, собрания, шествия... И все это на добровольных началах, без нажима свыше? Если это без принуждения, то не плохо. Странно только, что в журнале пишут такие несерьезные вещи, как "состоялся многолюдный банкет, был такой-то с женой, а такой-то не был." Ну, и пес с ним! От этого земля не остановится. У нас никогда не писали бы об этом. Уж достаточно того, что Сталин со своими прихлебателями мозолит глаза, а тут еще и прочих печатают! Все отправляют делегатов на банкеты — вот где объедаются! — а нам обидно и завидно. У вас даже создана больничная комиссия, что очень похвально, а у нас, хоть 10 лет лежи в больнице, никто не придет по двум причинам: все время съедают собрания, заседания, совещания и второе, чтобы навестить больного, надо понести что-либо, а тут и самим лопать нечего. Поэтому оставляют больного на произвол судьбы. "Приобретены машины для погребения." Интересно, что это за машины: могилы копать или засыпать?

Жизнь в Германии трудная. Средняя зарплата чернорабочего — 100-120 марок в месяц, а после вычетов — 80-100 марок. Женский труд — 60-80 марок в месяц. Все население недовольно проведенной девальвацией. Говорят, что теперь 2 миллиона безработных. Не знаю, насколько это верно, но безработных очень много и найти работу почти невозможно . **Анна П.**

*

Денежная реформа, проведенная здесь самым антидемократическим образом и лишившая нас, мелких предпринимателей, ремесленников и вкладчиков в сберегательные кассы, всякой дальнейшей деятельности, нанесла столь тяжкий удар, как по эконмике, так и по личной жизни, что мы и до сих пор не можем оправиться. Все работы приостановлены, много безработных, нет денег и нет надежд на лучшее и уверенности в завтрашнем дне. Все ждут вооруженого конфликта, страшного и разрушительного...

Нам здесь так осточертела политика, что все говорят: "Долой партии, политиканствующих трепачей, партийных лидеров, больших и малых диктаторов!" Люди хотят свободы и жизни, а не партийных доктрин, во имя коих людей обратили в бесправный скот, посылаемый на партийно-политические бойни.

Понятие о государстве уже мало чем отличается от представлений об общественных формах правового принуждения, когда проскочившие на верх длинноязыкие ловкачи с партийными билетами, очень скоро забывают свой долг в отношении народных масс, их избравших, и теряют последний стыд и совесть в отношении понятий о праве и справедливости. Для многих людей, даже монархистов по убеждениям, современная практика государственного управления и так называемого народного представительства, независимо от внешних вывесок и названий, постепенно превращается в символ насилия, притеснения и бесправия "свободного" человека.

Поэтому некоторые положения подлинного анархизма, а не по обывательским представлениям хаоса, грабежей и насилий, в особенности те положения, которые требуют полного раскрепощения человеческой личности и свободы, затем человеческого счастья в вольном, жизнерадостном, созидательном труде, находят себе многих последователей. Но, говорят они, для этого надо переделать всю природу человека, развращенного марксизмом на целые столетия, ибо только высококультурный, порядочный, честный человек может обойтись без параграфов уголовных законов и полицейских постов на улице, хотя бы для соблюдения тишины и порядка. Наша пресса дружески отмечает, что даже орган анархистов или профсоюза рабочих пишет против сталинской диктатуры, так куда же идти дальше? Особенно интересуются журналом "Дело Труда-Пробуждение" рабочие и солдаты, бегущие оттуда, которым дают почитать и сравнить с "Известиями" и "Правдой." Читают его также и советские писатели и журналисты, у которых большой интерес к Вашему журналу. Но с полным упразднением государственных рамок они не согласны: говорят, что практически невозможно, ибо люди всегда будут красть, убивать и бесчинствовать. Но что всем должны управлять профсоюзы, говорят они, мы все это признаем. Профсоюзы всегда договорятся между собою без крови и войн.

Получили от Вас книгу Максимова "Гильотина за Работой." Сердечное спасибо. Как только достанут марки, постараются печатать ее отдельными статьями Пока же она только читается знающими английский язык.

Как показывают здесь последние перебежчики—советские офицеры, Сталин приказал своему генштабу изменить стратегический план операций и с Камчатки ударить по Нью Иорку посредством У5 и У6. Кремль полагает, что под развалинами небоскребов будет похоронена и сила сопротивления Америки — самого сильного противника, с уничтожением которого будет покорен и весь мир. Европа же должна быть захвачена фрауцузскими и итальянскими коммунистами, при помощи советских оккупационных дессантов. Немцы очень боятся, что в одну прекрасную ночь американцы улетять на самолетах за пролив, а советское НКВД будет расправляться со всеми антикоммунистами, а если нет, то чины армии Паулюса, которые ненавидят англо-американцев за то, что они отдали их на растерзание советским коммунистам, добьют всех сторонников Запада. Надо сказать правду: пустяками союзники превращают немцев в своих врагов.

Мы полагаем, что письма от рабочих против гнета и насилий комдиктатуры надо печатать в рабочих органах, чтобы все знали, что такое большевицкий "коммунизм." А если они знают, то это надо повторять ежедневно, ежечасно, а также нужно бередить совесть мирового полетариата и требовать от него свержения большевицкого абсолютизма, как в свое время вожди рабочего движения беспрерывно призывали рабочие массы к свержению абсолютизма самодержавного и королевского. Повторение не мешает: вода долбит камень. Возьмите "Известия" или "Правду": 30 лет изо дня в день пишутся те же статьи, те же письма, те же сообщения о "гениальном" и "дорогом." При частом повторении даже ложь кажется правдой, а правда превращается в откровение. Есть случаи, когда повторение необходимо на каждом шагу днем и ночью, в любой форме, везде и всюду, — это требование свободы и счастья для человека и раскрепощения его личности. Это великое, культурное дело. Здесь повторения не лишни. **П.Н.В.**

МЕМИНГЕН, Германия. — Дорогие соотечественники! Получение от вас журнала "Д. Т. П." и газеты "НРС" было для нас большой радостью. За 24 года жизни в СССР, полной ежечасного страха за целость собственной головы, с постоянными материальными лишениями, голодом и преследованиями, мы отвыкли от свободного выражения мыслей и были удивлены, что в США свободно критикуют не только чиновников, но и президента Трюмана. Попробовал бы кто-нибудь в СССР сказать хоть пару слов критики по адресу "отца народов"! Тройка НКВД, без суда и следствия, за пару часов отправила бы его к праотцам. В СССР бесследно исчезали даже те, которые, выходя из магазина, выражали недовольство низким качеством товара или высокими ценами на них...

Что творится за железным завесом, трудно передать. Русский народ истекает слезами и кровью. Мне 45 лет, прожил в СССР до конца 1941 г., пережил два голода: в 1921 г. на Волге и в 1933 г. в Закавказье, когда погибло несколько миллионов россиян, хорошо знаю настроение населения и могу сказать, что 95%, в том числе и большинство членов ВКП(б) — ярые противники "советского" режима. Это подтверждает массовая сдача красноармейцев в плен немцам в первые месяцы войны, когда измученные люди, поверив немецкой пропаганде, видели в немцах не завоевателей, а освободителей от большевицкого ига.

Очевидно, в связи с проведением плана Маршалла положение с продуктами несколько улучшилось: имеем возможность есть до-сыта картофель, хлеба также достаточно, но еще плохо с жирами, крупой, мясом... Был бы вам признателен, еслибы выслали мне хотя бы пару старых книг для чтения. Моя семья состоит из 6 душ в возрасте: жене — 40 лет, дочери — 18, двум сыновьям — 13 и 10 лет, теще — 66 лет. **В.Д.Ч.**

СОНХЕЙМ, Германия. — Дорогие товарищи! Сердечное вам спасибо за посылку и газеты. Ваше письмо получил сегодня .Спасибо, что не забываете меня. По указанному вами адресу отправляю письмо. Благодарю вас еще раз за все. **А. К.**

МЮНХЕН, Германия. — В редакцию журнала "Дело Труда-Пробуждение." Нет предела моей глубокой радости выразить вам благодарность за ваш журнал, который мне впервые пришлось купить в киоске. По своему содержанию он является организатором рабочей мысли. Новая эмиграция может почерпнуть из него много хорошего. Я читаю газеты "Эхо" и "Обозрение," которые по своему содержанию не имеют определенного направления, а иногда стараются делить шкуру неубитого медведя и распределяют министерские портфели. Одним словом — карьеристы. Из вашего журнала видно, что сотни читателей, разбросанных по целому свету, обращаются к вам за всякой помощью, приносят вам благодарность. Не могу оставить без внимания статью "Почему мы против Сталина": из письма И. Жоголя видно, что он является подпевалой "отца народов." Повидимому, таких Жоголей в Америке еще много и они собираются построить сталинский дом. Единственным излечением для Жоголей была бы отправка их к "отцу народов," который покажет им "хорошие дома." Мы же хорошо знаем этот дом, в котором живут рабы, стонущие от непосильного труда и голода. **С.К.**

ЛИПАРИ, Италия. — Многоуважаемый г. Редактор "ДТП"! Совершенно случайно я получил удовольствие прочесть сентябрский номер Вашего журнала "ДТП." Не нахожу слов передать Вам от себя и меня окружающих чувства радости к правдивому русскому слову. Находясь в концлагере, мы очень нуждаемся в литературе на русском языке. Обращаемся к Вам с покорнейшей просьбой не отказать высылать нам Ваш журнал, который близок нам по духу и устремлениям. Многое хочется рассказать, да условия не позволяют. Мы здесь содержимся по требованию Москвы, как "изменники родины." По заверению итальянского правительства принудительно выданы не будем. **М.И.Н.**

ЛИПАРИ, Италия. — Уважаемая редакция "ДТП." Случайно мне попал в руки № 26 вашего журнала, который я прочел с большим интересом. Журнал мне очень понравился своею откровенностью и неподдельной искренностью, без всяких виляний. Я — русский невозвращенец, уже 8 месяцев нахожусь в концлагере на острове Липари, вблизи Сицилии. Меня обвиняют, как "военного преступника," хотя я таковым не являюсь. Итальянское правительство обещало рассмотреть мое дело в истекшем августе, сейчас октябрь на исходе, а дело и до сих пор не разобрано и я продолжаю влачить свое жалкое существование в стенах старинной крепости. Я не имею ни гроша, даже на бумагу и конверт, не говоря уже о том, чтобы купить чего поесть или курить. Кормят нас очень плохо: дают на день 300 граммов хлеба и 1,5 чашки супа, заправленного 10 граммами постного масла, ни мяса, ни жиров нет. Ежедневно ощущаешь голод.

Из жизненного опыта я убедился, что ни одно правительство не желает благоустроить жизнь трудящихся. Я ушел от заботы "отца народов" и попал под защиту "демократов," которые говорят, что мы тебя упрятали в крепость на острове, чтобы не схватили тебя советские агенты и не отправили в Россию, и чем дольше будешь сидеть, тем лучше для тебя. Это значит, что в случае войны меня могут использовать для пушечного мяса. Дорогие соотечественники, если возможно, высылайте мне ваш журнал и помогите мне материально. Если мне удастся эмигрировать за океан, я вас не забуду. **С.П.**

МИНДЕН, Германия. — В редакцию журнала "ДТП." Я со своим отцом очень благодарим вас за газеты и журналы, которые мы прочли с большим интересом и наслаждением. Мне 17 лет. я должен бы учиться, но условия не позволяют и нет у нас русской школы. Поэтому, если возможно, прошу Вас прислать мне какие-нибудь русские учебники, а отец мой просит книги Кропоткина, а также журнал "ДТП," который очень поучительный. За все благодарим Вас. **Н.К.**

КАССЕЛЬ, Германия. — Дорогие русские люди! Обращаюсь к вам с горячей просьбой помочь мне и моему крошке. Мне 24 года, а сынишке — 2,5. Его отец оставил нас. Сама я больна туберкулезом и нахожусь в госпитале. Без мужа и без денег да еще больной мне тяжело с ребенком. При Гитлере мы с мамой тяжело работали полуголодными под градом бесконечных налетов, все наши вещи сгорели, а 2 года назад похоронили мою бедную маму. Помогите мне продовольствием и одеждой для меня и сынишки. **Елена П.**

СОНДАЛО, Италия. — Дорогой Ф. И.! Получил от Вас газеты, журнал "ДТП" и два термометра, которые прибыли в полной исправности. От души Вам признателен. Еслибы дело происходило на "родине всех трудящихся," то Вас надо было бы премировать, ибо Вы "перекрыли все нормы": я просил прислать штаны, а Вы прислали целый костюм; вместо одного ботинка — прислали целых два и вместо одного термометра — тоже два...

"Душевные люди" — таково общее мнение о вас новых эмигрантов, так или иначе соприкоснувшихся с вами, и это ценно в особенности потому, что большинство людей из живших в стране, где "Сегодня весело живется, а завтра будет веселей," шарахаются от всяких левых направлений, как чорт от ладана. Психологически это понятно: люди обожглись на молоке, теперь дуют и на воду. Журнал "Дело Труда-Пробуждение," по связи с массою эмигрантов, по праву считается массовым журналом, что совершенно правильно подметила газета "Русская Мысль." К вам тянется масса инстинктом чувствуя в вас не только бесхитростных, отзывчивых людей, но честных людей политически, ищущих правду для всех, а не как партия, живущая двумя правдами: для партийных заправил — одна правда, а для опекаемой массы — другая правда, по качеству не уступающая советскому ширпотребу. **А.А.Г.**

КАРИНТИЯ, Австрия. — Вчера получил 5 экземпляров № 27 "ДТП." Замечаю бошую разностороннность № 27. Говорю это совершенно беспристрастно, т.к. имею "ДТП" с ноября 1947 г. Присылаемые 5 экз. "ДТП" имеют не менее 25 читателей. Поддерживаю мысль, высказанную в письме Г. П. из Вюртенбурга, Германия (№ 27): необходимо для европейских читателей-новичков дать обстоятельную редакционную статью и систематике и последовательности чтения книг по анархизму. Такая корректирующая статья принесет много пользы.

МЕРКСХАУЗЕН, Германия. — Обращаюсь к вам с просьбой, которая, надеюсь, не останется без ответа: помогите, пожалуйста, чем можно: и продуктами и одеждой вашему идейному товарищу Ц., который лежит в больнице. Он одинокий человек, который не имеет ни от кого и ниоткуда помощи и нуждается во всем. Он вам сам о себе напишет. Очень прошу помочь ему, буду очень благодарна. Сердечный привет **М. Федоровна.**

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ДЖЭЙМСПОРТ, Н. И. — Уважаемые товарищи, хорошо сделали, что обратились циркулярным письмом ко всем товарищам с призывом оказать материальную поддержку идейным ди-пи. Я имею двоюродных сестер и братьев, находящихся на положении ди-пи, которым тоже помогаю. Посылаю вам в фонд помощи ди-пи 10 д. Буду помогать и в будущем, чем смогу. Желаю вам успеха в хорошем деле. **Н. Демидович.**

НЬЮ ХЭЙВЕН, Конн. — Уважаемые товарищи! Получив циркулярное письмо с призывом помочь нуждающимся товарищам в Европе, наша группа посылает 50 д. в фонд ди-пи (на покрытие дефицита) и 3 д. за № 28 "ДТП." **П. Яруб.**

ВОТЕРБУРИ, Конн. — Уважаемые товарищи, посылаю вам 13 д., из коих 3 д. в счет подписки на журнал и 10 д. за распространенные номера "ДТП." **Г. С.**

МОНТРЕАЛЬ, Канада. — Дорогие товарищи! Посылаю в издательский фонд журнала "ДТП" 10 д. Жертвовали следующие лица: М. И. и М. Б. — по 1 д., Г. Н. — 2 д. и Г. Резанович — 6 д. Желаю вам успеха в издании столь ценного журнала. **Г.Р.**

ЧИКАГО, Иллинойс. — Дорогие товарищи! Посылаю вам чек на 50 д. в фонд издания журнала "ДТП." Эта сумма является частью остатка (около 900 д.), составившегося от празднования моего 60-летнего юбилея. Остаток этот был распределен мною по организациям и группам, с которыми я был связан все эти годы моей активности. **Б. Еленский.**

АНСОНВИЛЬ, Канада. — Уважаемая редакция "ДТП." Посылаю вам денежным переводом 4 д.: 2 д. в счет подписки и 2 д. в фонд издания "ДТП." **Я. Кульгавчук.**

ХЕМПСТЕД, Н. И. — Уважаемые товарищи, посылаемые почтовым переводом 3 д. предназначены в фонд помощи ди-пи, страждущим в Европе. С тов. приветом **В. Я. Полуянчик.**

БРОНКС, Н. И. — Уважаемые товарищи, посылаю вам 5 д.: 2 д. в счет подписки на журнал и 3 д. в издательский фонд "ДТП." **К. Зеленюк.**

ЧИКАГО, Иллинойс. — Уважаемые товарищи, посылаю вам 10.75 — это выручка за № 29 "ДТП." Простите, что мало сделано по распространению журнала: не хватает сил сделать больше. **И. Волков.**

ИНТЕРНЭЙШОНАЛ ФАЛЛС, Миннесота. — Уважаемые друзья, посылаем на поддержку ди-пи в Европе духовно и материально 5 дол. **Степовые.**

НЬЮ КЕСТЛЬ, Пенн. — В редакцию "ДТП." Посылаю вам 1.25 за распространенные 5 экз. № 29-го и желаю вам здоровья за ваш справедливый труд. С тов. приветом **Д. Слаут.**

ЮНГСТАУН, Охайо. — Уважаемые товарищи! Посылаю вам денежным переводом 19.50, которые составились из следующих сумм: 2.50 за 10 экз. № 29 "ДТП" и 17 д. поступило в издательский фонд "ДТП." добровольных пожертвований: М. Березовский — 2 д., К. Семенос, А. Чиж и С. Медынич — по 5 д.

Искренняя благодарность Редакционной Коллегии "ДТП" и всем сотрудникам журнала за разоблачения всех ретроградов, которые мечтают сесть на шею российских труженикoв и управлять ими по своему нраву; эти молодчики очень завидуют большевикам, которые свыше 30 лет распинают русский народ. Они прячут свои физиономии под разными масками. Но, как русский народ опрокинул белую монархию, он опрокинет и красную монархию — сталинскую. С тов. приветом **С. Медынич.**

ЮРЕКА, Калифорния. — Уважаемая редакция "ДТП," посылаю 1 д. за журнал. Не посылайте мне журнала пока не сообщу вам нового адреса в другом письме. С тов. приветом **Понсов.**

ЛОС-АНЖЕЛЕС, Калифорния. — М. Г., прилагая 25 с. почтовыми марками, прошу выслать мне 1 экз. № 29 "ДТП." Спасибо **Г. Урбан.**

ОНТАРИО, Канада. — В редакцию журнала "ДТП." Прошу выслать мне ваш журнал. Сам я одинокий, оставил родину — Россию после войны, прибыл в Канаду в 1948 г. на строительство. Состав наших групп по национальностям следующий: 60 человек — украинцы, 30 — прибалтийцы и 15 человек — поляки, чехи, белоруссы и русские. Среди них имеются инженеры, профессора и врачи, но большинство простые рабочие, выходцы из городской и сельской местностей.

Из четырех русских двое признают себя сынами своей родины — России, двое других — ни туда, ни сюда. Украинцы получили свою обработку в эмиграции. Для некоторых из них народ, находящийся за железным завесом, ничто. Они не желают понять того, что люди, очутившиеся в эмиграции, вне зависимости от их национальности, стоят против диктатуры и что им не следует враждовать между собою и развивать ненависть против большинства невинного народа России, который мучится в тисках диктатуры и ожидает момента освобождения не извне, а собственными силами.

Я лично пока не связался с русскими в Канаде, куда не мало их прибывает на каждом пароходе, хотя разрозненно, по контрактам. Русских организаций, кроме большевицких ,вероятно, нет, а может и есть, да я не знаю. Живем мы здесь не хуже, чем в Совсоюзе .Работаем на простых работах по 10 часов в сутки, платят нам по 70-90 сентов в час. На первых порах ощущаются некоторые трудности, но с этим нужно мириться. По окончании контракта большинство намерено остаться здесь, ибо не знаем, куда ехать.

Меня побудила написать вам скука и непреодолимое желание связаться с русскими и читать русскую литературу, которой я не знал и не мог читать, находясь в национальных лагерях. Здесь же, в Канаде, я могу читать плохое и хорошее, могу выбирать и самостоятельно мыслить. С бр. прив. **Г. С.**

БАЛТИМОРА, Мэрилэнд. — Уважаемые товарищи, посылаю вам 10 д. на поддержку журнала "ДТП." Немного запоздал с посылкой, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Желаю вам всего наилучшего. С тов. приветом **В. Савчук.**

ХАРТФОРД, Конн. — Уважаемые товарищи! В ответ на циркулярное письмо посылаю 5 д. в фонд ди-пи на оказание им духовной и материальной помощи. С тов. приветом **Ф. Воробьев.**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — По случаю 150 годовщины со дня рождения А. С. Пушкина выступал здесь с докладом о Пушкине И. Л. Тартак, превосходно знающий свой предмет. Однако, на эти интересные доклады не пришли ни большевиствующие, ни бывшие белые, ни мещане—"очкурники," интерес которых очень далек от живого слова литературы.

Пришли только активисты передовых русских организаций и случайные люди, которых не взяли под свою команду ни белые, ни красные, слишком выцветшие и пожелтевшие. Лектор Тартак живым изложением своего предмета и неподдельной искренностью речи очаровал присутствовавших, которые поблагодарили его не только аплодисментами, но по окончании лекции подходили и жали ему руку, выражая восхищение прекрасной речью.

Посылаемые вам 202 д. составились из следующих сумм: 42 д. выручено от распространения № 28 и 29 "ДТП": Ч — 17 д. и К — 25 д., а 160 д. — добровольные пожертвования на издание "ДТП." Жертвовали следующие лица: Д. Савчук — 20 д., супруги Морозовы — 10 д.; Ф. Коваленко, И. Черный, Волынский, Т. Шумович, И. Сивко, А. Яцук, С. Терпигорев, Дж. Ф., В. Голдес, И. Л., А. В., К. О., Е. К., С. К., И. Ш., Я. Д., П. О. и И. К. по 5 долларов; К. Крутель — 3 д.; С. Савка, Д. Терешко, Ф. Маслюк, Госп. и Госпожа Лещук — по 2 д.; В. К. Г., И. Нестерук, С. Спенсер, Н. Г. Лисюк, М. Кусморов, Дж. Чугак, С. Черишев, Ю. Дендрик, Рабочий, Иван Д., С. Кульгавчук, В. А., М. М., П. Писарчук, М. Нестюк, С. Солтан, П. Дмитрашко, Григорий Янук, С Дмитрук, Исидор Бородавка, А. Шкиль и М. Пичока — по 1 д.; Дж. Н. и Н. Олейник — по 50 сент.

С тов. приветом **Ф. Коваленко.**

От редакции: С чувством сердечной благодарности Редакционная Коллегия отмечает, что подлинно-прогрессивная русская колония г. Детройта, сознательная, мыслящая, всегда щедро откликалась и, надеемся, впредь будет великодушно откликаться на нужды освободительного рабочего движения, борющегося за полное освобождение трудящихся от разноцветных диктатур и эксплоатации человека человеком. Мы надеемся, что не только детройтские труженики, но и огромные массы в других городах и странах, наконец, поймут, что всякая диктатура, в какой бы цвет она ни окрашивалась и чем бы ни прикрывалась в оправдание своего абсолютизма, есть страшное социальное зло, которое должно погибнуть, и чем скорее оно погибнет, тем лучше будет для созидателей мировых богатств — материальных и духовных ценностей, которые смогут свободно творить и наслаждаться жизнью без опеки диктаторов и эксплоататоров.

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Дорогие "делотрудовцы"! 20 июля исполнилось 3 года со дня смерти моего незабвенного мужа и товарища А. Зубрина. Религиозники, поминая усопших ,дают деньги на капища и служителям религиозного культа, которые, получив мзду, еще ревностнее сеют мрак и дурачат верующих. Покойный Зубрин был последовательным атеистом и разоблачал фальш, ложь и обман служителей религиозных культов. Чтя память покойного, посылаю 7 д. в фонд издания журнала "ДТП": 5 д. в память А. Зубрина и 2 д. от себя, т.к. журнал отвечал всем духовным запросам покойного, который любил его и всячески поддерживал. Люблю и я "ДТП," хотя он меня полностью не удовлетворяет, п. ч. отсутствует в нем критика наци-фашизма, который все смелее дает о себе знать, как в американской общественности, так и на мировой арене. Пишите о наци-фашизме, как и о большевизме. Шесть миллионов загубленных гитлеровцами еврейских жизней должны были научить чему-нибудь честномыслящее человечество. Кустари абажуров из человеческой кожи должны помниться, как позор человечества. Заканчивая заметку, прошу писать о наци-фашизме. **Соня Зубрина.**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Дорогие товарищи! Пожертвованные мною 20 д. употребите на организационные нужды, которых у вас множество и которые с успехом можно было бы устранить, еслибы рабочие прониклись сознанием единства своих интересов и борьбы за лучшую долю. Но этого единства пока нет, как и высокой сознательности. На пьянство и глупости, которые деморализуют человека, деньги есть, а на доброе дело самоосвобождения — скупятся: денег нет. Обидно и больно смотреть, как по субботам и воскресеньям целые табуны людей отравляются хмельным пойлом в кабаках и вертепах, губя свое здоровье и тяжелый заработок. Излишне говорить, кому такое поведение рабочих идет на пользу.

Теперь пару слов о журнале. Боевая линия против большевицкого тоталитаризма хороша, но слабовата против наци-фашизма. Из всех номеров последние два (№ 28 и 29) наиболее апеллируют моим понятиям и чувствам. Фашизм разных окрасок поднимает голову и начинает простирать руки. Наш священный долг бить по рукам и по голове этого лютого хищника. **Д. Савчук.**

ФИЛАДЕЛЬФИЯ, Пенна. — Уважаемые товарищи, посылаю вам 7 д., вырученные от продажи № 29 "ДТП." Комитет Помощи больному товарищу М. П. просит всех лиц, получивших подписные листы, вернуть таковые на имя Я. Тимощука, 414 Green St., Philadelphia, Pa. **И. Скиталец.**

ТОРОНТО, Канада. — Дорогие товарищи! Посылаю вам денежным переводом 10 д. в фонд издания журнала "ДТП." **Ф. Коносевич.**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Дорогие друзья "ДТП." Шлю вам 10 д. на поддержку журнала "ДТП": 5 д. от меня и 5 д. от моего приятеля Кузьмы Левчака из Ист Виндзор. Желаем вам успеха в издании столь необходимого органа печати. **Л. И. Папко.**

НЬЮ-ИОРК, Н. И. — Поступили по подписному листу в издательский фонд журнала "ДТП" следующие пожертвования: Дж. Гордин, Дж. Пи и А. Громов — по 10 д.; П. Юзефин — 8 д.; С. Мурашко, С. М. П. и Е. Моцегуд — по 5 д.; И. Данилюк и О. Макаренко — по 2 д., а всего — 57 дол. **Секр.**

ФИЛАДЕЛЬФИЯ, Пенн. — **К отчету о Конференции;** доклад с мест: Делегат Филадельфийской группы доложил, что их группа состоит из 10 человек, собрания происходят ежемесячно, распространяется журнал "ДТП" и собираются средства на его издание. По инициативе группы был создан в Филадельфии Комитет Помощи Ди-Пи, в который вошли несколько местных организаций. Группа высказывается против издания литературы на русском языке в данный момент: прежде чем издавать, нужно установить путем переписки количество литературы, имеющейся на руках у различных групп.

Делегат Т.

ЦЮРИХ, Канада. — Уважаемые друзья, посылаю вам один доллар и прошу высылать мне уважаемый журнал "Дело Труда-Пробуждение." **Б. Золотов.**

БАЛТИМОРА, Мэрилэнд. — Уважаемые товарищи! Посылаю вам почтовым переводом 15 д., из которых 13 д. за 52 экземпляра № 23-25 "ДТП" и 2 д. пожертвованы т. Савчуком в пользу идейных ди-пи. На днях узнал, что в Нью Иорке умер М. Вакулов, а в Балтиморе умер Яков Равич. Привет всем. **Ф. Рахман.**

С-ЛУИС, Мизури. — Уважаемые товарищи, посылаю вам денежным переводом 8 д., из коих 7 д. в фонд журнала "ДТП," в который жертвовали следующие лица: Неизвестный из Мадисона, Иллинойс, — 4 д. и по 1 д. — Антон Ждан, Эдвард Тутин и М. Хведченя, и 1 доллар в счет подписки на журнал от М. Сукало. Сожалею, что мало успел, т.к. трудно собирать средства среди рабочих на дело самоосвобождения рабочих, на поддержку органа безвластия, но при желании, как видите, можно кое-что сделать. Я горжусь тем, что нашел вышеупомянутого нового подписчика. **М.Х.**

БАЛТИМОРА, Мэрилэнд. — Уважаемые товарищи, посылаю вам 10 д. Из них 5 д в издательский фонд журнала "ДТП" и 5 д. в Фонд имени Алексадра Беркмана. Надо подумать и о том, что рассеянным по миру товарищам тоже нужна помощь, которую и оказывает им фонд Беркмана. Правда, моя лепта — капля в море, но лучше дать что-нибудь, чем ничего. **В. Савчук.**

МОНТЕВИДЕО, Уругвай. — Уважаемые товарищи, № 28-й "ДТП" за январь-февраль мы получили 11 марта, а № 29-й (за май-июнь) — 6-го июня. Спасибо! Наша группа "Дело Труда" выпустила подписной лист для сбора средств в фонд издания журнала "ДТП." По этому листу т. Черняковым была собрана среди друзей, читателей и почитателей журнала "ДТП" следующая сумма: Я. С. Чайка — 1 песо, А. Я. Ч. — 3 п., К. Н. Ф. — 2 п., В. Л. — 10 п., Е. Г. — 2 п., Н. Стотик — 15 п., Г. Ц. — 5 п., А. Долин — 5 п. и Г. Х. — 3 песо, а всего — 46 песо. Эти деньги посланы вам через местное отделение Нью-Иорского Сити Банка. В переводе на американскую валюту получилось 16 д. 75 с. — сумма небольшая. Наша республика — маленькая, со слабо развитой индустрией, это скотоводческая страна. Искренно желаем вам полного успеха в вашей столь **необходимой для** всего человечества работе по освобождению его от экономической, политической и духовной эксплоатации тоталитарными и "демократическими" режимами. **Александр Черняков.**

ЭРЕБАНГО, Бразилия. — Дорогие товарищи, извиняюсь, что давно не писал вам. Посылаю вам 200 крузеров (6 американских долларов), из которых 2 д. в фонд Беркмана, 2 д. в фонд ди-пи (на пересылку литературы), 1 д. за книгу Николаева "Первый среди равных" и 1 д. в счет подписки на журнал "ДТП."

На прошлой неделе получил № 28 "ДТП," который читается с неслабевающим интересом. Письма ди-пи и невозвращенцев очень оживляют журнал. Хорошо было бы, чтобы журнал выходил регулярно, хотя бы раз в два месяца. В Бразилии тоже прибывает много ди-пи; тысячи их уже приехали в разные города этой страны. В связи с приездом множества ди-пи среди большевиствующих русских эмигрантов начинает рассеиваться красный туман.

Отрадно видеть, что журнал "ДТП" доходит во все страны, гре есть русские эмигранты, которых он обогревает и обнадеживает. Преследуемые и гонимые несчастные русские люди жаждут свободы и света. Недалеко то время, когда рухнет здание кровавой большевицкой диктатуры и похоронит ее адептов. Тогда только загорится звезда на Востоке и озарит свободой весь мир.

Итак, товарищи, держите знамя свободы крепко до полного освобождения. Желаю вам здоровья и успеха в вашей благородной работе. **И.И.**

ПАРАЙЗО, Бразилия. — Многоуважаемые друзья! Спешу сообщить вам, что я получил две пачки книг и брошюр, а также журнал "ДТП." Большое вам спасибо за все. Дорогие друзья, вы сами знаете, что большевицкие диктатурщики более 30 лет мучают русский народ страшным террором насилия. Они захватили несколько соседних стран и там делают то же самое, что в России, а теперь стараются своей лживой пропагандой обмануть народы всего мира. В это время для нас совестно сидеть, сложа руки: мы должны кричать на весь мир и свидетельствовать на всех языках о свирепом большевицком режиме рабовладельцев. Мы должны подать руку помощи народам за железным занавесом .Они ждут нашей помощи и не хотят идти нога в ногу с преступной сталинской шайкой бандитов.

Через банковскую контору посылаю вам два доллара в счет подписки на уважаемый журнал "Дело Труда-Пробуждение."

Еще уведомляю вас, что я получил № 28 "ДТП," а также письмо от моего дяди Петра. Сердечное вам спасибо за журнал и за ваш труд по розыску дяди. Пока жив буду, не забуду вашей искренности и буду помогать вашему светоносному журналу. Желаю вам полного успеха в вашей большой, справедливой, светлой работе. С приветом **Филип Л.**

КАРАКАС, Венецуэла. — Уважаемые товарищи, получил № 29 "ДТП." Журнал, как и все наши журналы, достоин своего назначения. Передовая т. Максимова по актуальности темы, глубине мысли, идеологической выдержанности и правдивой смелости — прекрасная. В ней кратко ,но убедительно и ясно освещен вопрос, имеющий особенно важное значение на сегодняшний день, когда все религии, а в особенности церкви, хотят повернуть вспять ход истории, в чем рьяно соревнуется католическая церковь с компартией Сталина. Правдиво, искренно и с глубиной чувства написано стихотворение "Пишу вам"... Не мешало бы автору в строки правдивого пессимизма дать строфу оптимистического мазка. **И. А.**

ПАРИЖ, Франция. — Дорогие товарищи! Статьи т. Максимова "Величайшая Революция" и "Протест против протеста" имеют большое историческое значение и соответствуют моим сокровенным мыслям. Шаг за шагом он раскрывает те великие идеи, за которые борется китайский народ. В кино я видела, с каким мужеством умирает революционная китайская молодежь от пуль реакционеров. Восторгаться их мужеством и протестовать против жестокостей не будут антибольшевики-реакционеры. Да, мы — ярые антибольшевики, но не со всяким антибольшевиком нам по дороге. Реакционеры разных мастей толкают по необходимости (выражение Сартра) трудящиеся массы и порабощенные народы к большевизму, ибо всякую свободную мысль, каждое революционное выступление и борьбу за улучшение экономического положения они считают делом Москвы и ее агентов. В обращении французских анархистов, пославших свое приветствие английским докерам и подчеркивающих солидарность рабочих всего мира, есть одна характерная мысль, совпадающая с мыслями т. Максимова: "Когда хотят утопить собаку, говорят, что она бешеная, когда хотят утопить забастовку, говорят, что она коммунистическая. Это новое средство, которое все более и более начинает применяться во всем мире, становится статьей символа веры, позволяющей руководителям синдикатов привя-

заться к правящим и предавать всякое движение, не имеющее на то официальной санкции" ("Либертер," № 190). Поэтому, борьба должна вестись одновременно и против большевизма, и против фашизма и против всякой иной реакции.

"Протест против протеста" — замечательная статья по своей глубокой человечности: она защищает человеческие права и сталиниста, и гитлеровца и в то же время ведет борьбу против сталинизма и гитлеризма; она — зеркало перед лицом тех, которые не желают видеть более ужасных преступлений, чем те, против которых они протестуют. Очень сердечно написана статья о Борисе Еленском. Присоединяюсь к пожеланию ему многих лет активности, ибо масса таких идейных работников, как т. Еленский, создадут новую, лучшую жизнь на земле.

В обоих последних номерах "ДТП" (28 и 29) — много интересного и актуального. Меня очень обрадовало сообщение о красиво изданных книгах Кропоткина на китайском языке. Для этой страны, как и для всякой другой, мысли Кропоткина—хлеб насущный для ума, для сердца и для борьбы. Большой интерес представляет хроника о либертарном движении в таких странах высокой культуры и народных страданий, как Китай и Япония, откуда редко поступают верные сведения. Старайтесь давать их побольше.

Письма Кропоткина к Ленину имеют огромный интерес ,особенно второе письмо о заложниках. Спасибо т. Пермяку за откровенное слово, что большинство социальных реформаторов будущей России думает не о том, что бы легче стало жить людям, а как ими править. Замечательна по фактическому материалу его же статья о клевете большевиков на анархизм. Такие разоблачения надо давать побольше. Такие статьи, как "Разделяй и властвуй" и "Друзья или враги" стоят того, чтобы все, искренно сочувствующие и помогающие "ди-пи," серьезно заинтересовались ими.

С большим интересом прочла отчет о конференции, особенно близка мне мысль — борьбы со всеми силами угнетения. Я думаю, что надо не только выяснить количество имеющейся на руках литературы и распространить ее, но, если можно, найти средства, издать собрания сочинений классиков анархизма. В большинстве старые издания были плохими и далеко не полными. Такая увлекательная книга, как "Записки Революционера," заронит искру не в одну душу. Многие из русской молодежи, пожалуй, не знают, что в первые годы после октябрьской революции были изданы два больших тома писем Бакунина. Было обещано полное собрание сочинений Бакунина ,но так оно и осталось обещанием.Есть очень старые русские переводы философа Гюйо, на котором и Кропоткин думал строить свою этику будущего — без санкций и принуждения С этим философом следовало бы познакомить молодую русскую публику. Такие книги Гюйо, как "Этика без санкций и принуждения," "Иррелигиозность будущего," "Воспитание и наследственность" и "Искусство с социалистической точки зрения," и еще книга Прудона об искусстве, заслуживают большого внимания. На французском языке есть еще одна ценная работа — "Психология Анархизма."

К просьбе двух читателей издать "Гильотину за работой" на русском языке я присоединяю и свой голос. Очень красивый знак внимания — подарок Кайдановой "ДТП" своей книги "Очерки по истории образования в России и СССР."

Приятно было видеть в латинском квартале Парижа афиши анархистов на французском, английском и еврейском языках о ряде интересных докладов на разнообразные темы. С большим докладом выступал и наш американский товарищ — Иосиф Коген. Достоин внимания и доклад представителя свободной школы на тему: "Искусство и пол." Анархисты и передовое студенчество устраивают митинги протеста, пишут статьи и воззвания по поводу событий в Мадагаскаре...

Наблюдается рост безработицы, чего не скрывает даже правая печать. Как паллиативную меру борьбы с безработицей, анархисты предлагают сокращение 40-часовой рабочей недели до 35 часов без снижения заработной платы. Между прочим, в некоторых департаментах рабочая неделя составляет не 40, а 50 и 60 часов: работают 6 дней в неделю, с 7 утра до 6 ч. вечера, с перерывами в 15 минут на завтрак и 45 минут на обед. Длинный рабочий день страшно утомляет. **А. Ш.**

МЕКСИКО СИТИ, Мексика. — Дорогие товарищи, посылаю вам переданные мне нашим другом Фаней Янович 3 д. на "ДТП": 2 д. в счет подписки и 1 д. в издательский фонд журнала. **С. Флешин.**

СЕДЕРТЕЛЬЕ, Швеция. — Уважаемые товарищи! Пишут вам двое друзей из Польши, которые имели несчастье (или счастье?) "прожить" военные годы в советской России. Заброшенные туда военной заверухой и признанные советскими властями, как "неблагонадежный элемент," мы побывали в большевистских "домах отдыха": в тюрьмах, в исправительно-трудовых лагерях и в поселениях для "спецпереселенцев." Мы достаточно насмотрелись ,наслушались и при первой возможности поспешили "удрать" оттуда, воспользовавшись амнистией для польских граждан в 1943 г., а затем репатриацией оных на родину в 1946 году.

Чтобы понять, как мы попали в Швецию, надо подчеркнуть, что один из нас социал-демократ (бундовец), а другой — анархо-синдикалист. Вы поймете, что мы поспешили также убраться поскорее из "народо-демократической" Польши Берута, Бермана и Радкевича. Один прибыл сюда "в угле" с пароходом, везшим уголь из Польши в Швецию, а другой — через "зеленую границу" в Чехословакию, потом вторую границу в Баварию, а оттуда в Швецию.

У нас нет относительно больших эмигрантских организаций, тем более рабочих, поэтому мы стремимся узнать о деятельности этих последних при помощи их печати. Нам попал в руки ваш журнал, который произвел на нас большое впечатление. Кроме того, мы, побывавши в России и возненавидев большевиков, как русских, так и нерусских, с той же силой полюбили русский народ, его язык, культуру и литературу. Мы не хотим забыть язык Пушкина, Белинского, Кропоткина и Плеханова. А советскими агитками мы уже наелись повыше ушей.

Нам близки чаяния русского народа, а тем более русских социалистов. Мы хотим знать, чем живет и дышет русская рабочая эмиграция, поэтому и обращаемся к вам с просьбой высылать нам ваш журнал. Мы желаем "Дело Труда" абонировать и получать постоянно. Очень просим сообщить нам, как это можно устроить. Надеясь на удовлетворение нашей просьбы и оставаясь с благодарностью, шлем вам социалистический привет.

Петр Дикштейн и **Г. Гутер.**

На помощь Ди-Пи

На духовную и материальную помощь ди-пи, рассеянным по лагерям Австрии, Италии и Германии, Федерацией было израсходовано, согласно отчету, напечатанному в № 28 "ДТП," свыше 1,000 д., поступили на покрытие дефицита и на продолжение помощи следующие пожертвования: Мисс Дж. Розен — 5 д., Т. Юскович — 10 д., И. Черный — 5 д., С. Скробот — 10 д., Д. Слаутич — 1 д., С. Щотковский — 10 д., Группа г. Нью-Хэйвена — 50 д., Н. Демидович — 10 д., В. и Н. Бондаренко — 20 д., И. Ильченко — 2 д., В. Полуянчик — 3 д., И. Степовой — 5 д., Скорчук — 10 д., И. Аронстам — 10 д., А. Титаренко — 5 д., Ф. Воробьев — 5 д., В. Савчук 2 д., итого — 163 доллара.

Друзья-читатели, на наш призыв помочь духовно и материально наиболее нуждающимся русским невозвращенцам горячо откликнулись лишь несколько человек, имена которых приведены выше. Не забывайте, что невозвращенцы, с которыми мы вошли в контакт, — это молодые борцы за новую, более справедливую жизнь. Нужда их велика и наша прямая обязанность, как солидарных тружеников по отношению к своим братьям-труженикам, попавшим в тяжелые условия, помочь им по мере наших сил и возможностей .Будьте более чутки к нуждам и страданиям своих собратьев. Каждый из нас, здоровый и работающий, без ущерба для себя, легко может внести пятерку или десятку на доброе дело помощи своим товарищам, которых нужно поддержать, чтобы они не пали духом и остались непримиримыми борцами со всяким злом и социальной несправедливостью за лучшее будущее трудящихся и обремененных.

Друзья и товарищи, мы должны шире развить нашу рабочую солидарность, без которой мир давно погиб бы. Знайте, что никто из нас не застрахован от беды и что каждый рабочий может очутиться в безвыходном положении .Но при солидарности и взаимной помощи у нас всегда будет надежда на преодоление стрясшегося несчастья и на выход из затруднительного положения. Итак, труженики на полях, на фабриках и заводах, не забывайте о рабочей солидарности и пришлите свою лепту на поддержку страждущих собратьев.

Секретариат.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station New York 3, N. Y.

ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ "ДТП" ЗА МАЙ-АВГУСТ 1949 ГОДА

ПРИХОД:

Поступило за проданные номера журнала	103.00
Поступило подписки на журнал "ДТП"	16.00
Поступило за проданные книги	6.25
Пожертвования на издание журнала:	
Через т. Коваленко, Детройт, по под. л. № 5	160.00
Группа г. Нью-Иорка, по под. листу № 24	57.00
Б. Еленский, Чикаго, Иллинойс	50.00
Ф. Коносевич, Торонто, Канада	20.00
Через т. Медынича, Юнгстаун, Охайо	17.00
Через т. Чернякова, Монтевидео, Уругвай	16.75
В. Савчук, г. Балтимора	15.00
Через т. Резановича, Монтреаль, Канада	10.00
С. М. и Р. Чиж, г. Нью-Иорк, по 5 д.	10.00
С. Лецер и Л. Папко, г. Детройт, по 5 д.	10.00
Через т. М. Х., С-Луис, Мизури	7.00
Соня Зубрина, Детройт, Мичиган	7.00
К. Левчак, Виндзор, Канада	5.00
К. Зеленюк 3 д. и Я. Кульгавчук 2 д.	5.00
Фаня Янович, Мексико Сити, Мексика	1.00
Итого	516.60

РАСХОД:

Издание и экспедиция № 29 "ДТП"	441.60
Рента почтового ящика за III квартал	4.00
Переписка редакции	4.00
Итого	449.60

Сердечная благодарность всем жертвователям, подписчикам и распространителям журнала "ДТП."

Редакционная Коллегия.

Новые Издания

"IMMIGRANTS INFORMATION BOOK: HOW TO ENTER THE USA," by Charles L. Cusumano, New York Lawyer. Book contains reliable, clear, practical information about requirements for immigrants: Principal Nationalities and their Quotas; How Quotas Work; Estimated Waiting Time for Quota Numbers; Who have and How they Get Preferences; Immigrants who Enter without Quotas; How to Get Visas; What Documents Needed; Visitors; Seamen; Students; Treaty Traders; Veterans; Chinese; Displaced Persons; Short Cut to Getting Visas; Many Other Useful Facts about Immigrants and other Foreigners Entering the United States. Price — $1.00 per copy. Address: Old Faithful Publ. Co., 123 William St., New York 7, N. Y.

LUCE FABBRI: "L'Anticomunismo, L'Antiimperialismo & La Pace." III Edizione. "Studi Sociali." Montevideo, Uruguay, 1949.

FEDERICA MONTSENY: "Mujeres en La Carcel." Ediciones "Universo," 29 Rue des Couteliers, Toulouse (Hte-Gne), France.

ARTHUR MALLET-CHAUVEAN: "Notre Humanisme." Prix: 100 f. "La Solution du Probléme Humain." Prix 150 f. "Edition Biocratiques," 73, Rue Charlot, Paris (3-e), France.

"LA PENSEE LIBRE" ("Свободная Мысль")— ежемесячный журнал на еврейском языке. Ch. Fieber, 11, Place Adolphe-Cherioux, Paris (15-e), France.